

ОЛЬГА ХЕЛЬМАН

ВО ГЛАВЕ КОНЦА

ЧТО, ЕСЛИ СПАСТИ МИР МОЖНО
ЛИШЬ РАЗДЕЛИВ ГРЕХИ
С ТЕМ, КТО ОБРЕЧЁН ИХ ХРАНИТЬ?

18+

Ольга Хельман
Во главе конца

«Автор»

2026

Хельман О.

Во главе конца / О. Хельман — «Автор», 2026

Анора чувствует запах человеческих душ. Этот дар сделал её свидетельницей самых тёмных сторон человеческой природы, но не подготовил к встрече с человеком, чья душа пахнет розой, ладаном и кровью. Девушка оказывается связана с Алой Луной — зловещим небесным знаменем, хранящим грехи всего человечества и предвещающим гибель всего живого. Чем глубже она погружается в тайны, тем чаще видит тени, слышит голоса и теряет грань между реальностью и безумием. А рядом неизменно оказывается Николас Морэль — загадочный служитель церкви, который знает об Алой Луне слишком много, но скрывает правду о себе. Некоторые тайны способны выжечь этот мир дотла. Ведь тот, к кому Анору тянет вопреки здравому смыслу, может оказаться тем, кто однажды разрушит мир. История о любви, которая сильнее вечности. О грехах, которые невозможно забыть. О безумии. И о выборе между милосердием и уничтожением, который однажды придётся сделать даже ангелам.

© Хельман О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	36
Глава 10	42
Глава 11	44
Глава 1	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ольга Хельман

Во главе конца

Глава

Посвящается тем, кто ищет свет.

Что, если спасти мир можно лишь разделив грехи с тем, кто обречен их хранить?

Пролог

Алый свет луны стекал на снежный покров, окутывая всё вокруг багровым сиянием. Казалось, передо мной раскинулось бездонное кровавое море, в котором мне было суждено навсегда затеряться в мертвых волнах.

Луна являлась ко мне, погружая в своё мрачное марево. Он вестница конца, готовая расколоться, разорвать небесный свод и обрушить на землю тьму, которая поглотит всё вокруг.

Но что это будет? Конец всего? Или начало чего-то нового, ещё более страшного?

Я чувствую, что совсем скоро произойдет что-то зловещее. Но где грань между сном и явью? Где заканчивается наваждение и начинается реальность? Я не знаю. Возможно, её вовсе не существует. Возможно, всё, что я вижу, — лишь отражение моих собственных страхов, порождённая разумом иллюзия. Но сегодня ночью это не имеет значения. Потому что луна зовет меня. Её голос — это голос судьбы. И я, как замороженная, иду за ним, не зная, что ждёт меня в конце этого пути.

Глава 1

Скверна

Я шла по оживленным улицам Лондона. Город дышал мне в лицо смесью запахов: пыль старых фолиантов из букинистических лавок мешалась с приторной корицей из кофейни и вездесущим шлейфом дешевого рома. Сырость — вечная, неотвязная спутница этих мест, окутывала всё вокруг, словно невидимый плащ. Мимо меня пронеслись кэбы, их колеса глухо стучали по булыжной мостовой, а кучера выкрикивали ругательства, стараясь пробиться сквозь бесконечный поток людей.

Туманный Лондон жил своей лихорадочной, суетливой жизнью, не замечая меня, и я была этому рада. В его шуме я чувствовала себя одновременно крошечной и невидимой, словно тень, скользящая между людьми.

Мои глаза были прикованы к носкам моих туфель, будто они могли указать мне путь в этом хаосе звуков и запахов. Я старалась не поднимать взгляд, не встречаться глазами с прохожими, чьи лица были скрыты под зонтами и шляпами. С самого раннего детства я была обречена видеть то, что другие предпочли бы навсегда скрыть в самых темных уголках своей души. Скверну.

Я дошла до нужного дома и остановилась у массивной дубовой двери, на мгновение задержавшись перед входом. Тёмное дерево было холодным и тяжёлым, словно не хотело пускать меня внутрь. Но я уже потянулась к бронзовой ручке, готовясь войти, когда позади меня раздался вежливый мужской голос:

— Мадмуазель? Простите, не могли бы вы оказать мне помощь? — раздался за моей спиной мягкий голос, тронутый бархатистым французским акцентом.

Я обернулась. Передо мной стоял мужчина приятной внешности, опрятный и элегантный. Однако в его поведении чувствовалась лёгкая растерянность: он то и дело оглядывался по сторонам, причудливо всматриваясь в фасады домов, словно пытаясь отыскать нужный номер среди однообразных дверей и вывесок.

— Чем обязана? — спросила я. — Вы потерялись?

— Видимо, я действительно выгляжу потерянным в этом большом городе, — он достал помятую карту и медленно покрутил в руках, выглядя как типичный турист, окончательно заплутавший в лабиринтах. — Я ищу юридическую фирму на Риджент-стрит.

— Вам нужно обойти это здание с противоположной стороны, месье, — ответила я сухо, указывая направление в сторону узкого переулка.

— О, я бесконечно благодарен вам за спасение! — он отвесил изысканный, почти театральный поклон, едва приподняв шляпу, и направился в указанную сторону легким, уверенным шагом.

Я провожала его взглядом, и внутри меня всё сжималось от холодного отвращения. Для любого случайного прохожего он остался бы эталоном благородства и европейского шарма. Но я видела его истинную Скверну. От этого человека несло не просто гнилью — это был удушливый запах могильной земли и мертвой крысы, прикрашенный дорогим парфюмом. А сущность рядом с ним представляла собой темный, липкий силуэт с неестественно длинными, костлявыми отростками-пальцами, которые плотно обвивали его плечи, словно паразит, высасывающий последние капли жизни. Иногда мне казалось, что эти тени настолько плотные и осязаемые, что я могу протянуть руку и коснуться их, ощутить их мертвенную, ледяную слизь на своих пальцах.

У каждого человека свой аромат. У кого-то он лёгкий, как свежий ветер, у кого-то — тёплый, как специи или мёд. Но у осквернённых, чьи души изъедены метастазами злобы, зависти или черных помыслов, запах всегда один. Этот смрад не облетает стороной — он атакует. Он

проникает в ноздри, обжигая слизистую, оседает на корне языка липким, горьким привкусом. Этот запах — мой личный предупреждающий колокол. Такие люди несут в себе энтропию; они — разносчики разрушения, даже если сами считают себя святыми. Не знаю, дар это или проклятие, а может, и вовсе какая-то болезнь. Но это часть меня, и я научилась с этим жить.

Тряхнув головой, я заставила себя отогнать наваждение. Нужно было идти дальше. Меня ждал Гарри.

Издательство «Золотое перо» располагалось в массивном, угрюмом кирпичном здании, которое, казалось, было выстроено из засохших чернил и несбывшихся амбиций. Внутри воздух был спертым и тяжелым: пахло свежей типографской краской, сухой бумагой и неистребимым табачным дымом. Гарри, мой бессменный издатель, восседал в своем кабинете, вальяжно откинувшись в глубоком кожаном кресле.

— О, Анора! Лучезарная моя звезда! — возопил он, едва я переступила порог, заваленный кипами рукописей. — Принесла ли ты мне то, что я просил? Читатели в полном восторге от твоих новых произведений! Они жаждут еще больше! — В его зубах была трубка, набитая табаком. Он выпускал кольца дыма, показывая свое удовольствие.

Гарри — полный усатый мужчина с вечно засаленным галстуком и взглядом, который, просчитывая стоимость каждого слова, произнесённого в его присутствии. От него всегда исходил едва уловимый запах гнили, прикрытый густым ароматом копчёной сладкой рыбы. Но даже если бы от него воняло так, что глаза резало и выворачивало наизнанку, то я бы не смогла так легко уйти. Потому что Гарри — это не просто человек. Это ключ к моему успеху и разрушению одновременно.

Его издательство — одно из лучших в Лондоне. Оно в свое время принесло мне имя и читателей, а теперь деньги, которые делю с Гарри. Он знает, что мои книги продаются, что каждая новая работа — это гарантированный ажиотаж, а я знаю, что без его связей, его ресурсов и его умения продавать, мои слова никогда не достигли бы таких высот. Но Гарри ни на грош не верил в реальность моего дара; для него это были лишь удачные литературные приемы, помогающие раздуть тиражи. Это сделка, взаимовыгодная и циничная. Но сейчас я уже уверенно стою на ногах и знаю, что моя известность будет принадлежать мне не зависимо от издательства. Да, Гарри помог мне, но нужно идти дальше, распахнув крылья, которые он сжимает.

— Вторая часть моей книги, — я с глухим стуком положила увесистую рукопись на дубовый стол.

— Превосходно! — он медленно потянулся к графину, наливая себе порцию виски, и в воздухе тут же поплыл тяжелый спиртовой дух, смешанный с едким ароматом копченой рыбы. — Присядь.

Он начал рассказывать о своих новых контрактах, тиражах и рекламе. Его голос был густым, как дым сигары, которую он вечно держал в руке. Я молча кивала, делая вид, что внимательно слушаю, но на самом деле думала о другом. О том, как странно, что человек, от которого пахнет гадостью, может быть таким успешным. О том, как легко тьма маскируется под свет, а порок — под добродетель. И о том, что, возможно, я сама не так уж далека от него. Ведь я тоже играла в эту игру, тоже закрывала глаза на то, что видела, ради того, чтобы оставаться на вершине.

— Гарри, я пришла не только ради этого. Я хочу пересмотреть условия нашего контракта. Я хочу творческой независимости.

Гарри замер. Веселье мгновенно испарилось из его глаз, сменившись холодным, расчетливым блеском.

— Я знаю, что если я разорву контракт, то вы не отдадите мои произведения, а будете продолжать на них наживаться, — продолжила я — Поэтому, предлагаю оставить наш контракт на выпущенные книги. Но хочу, чтобы следующие были независимы от вас.

— Независимости? — он издал короткий, лающий смешок. — Анора, дорогая моя, будь благоразумна. Кто еще, скажи на милость, рискнет печатать горячечный бред сумасшедшей, если не я? Без моего имени на твоей обложке ты — пустое место.

Каждое слово Гарри было пропитано ядовитой смесью снисходительности и плохо скрытой угрозы. Я знала, что разорвать контракт будет не просто сложно — это будет война. Он не из тех, кто легко отпускает то, что считает своим. А я, со своими книгами, своими читателями и тиражами, была для него не просто автором. Я была активом, золотой жилой, которую он защищал бы с яростью голодного зверя. И если я добьюсь своей независимости от него, он не остановится. Он будет портить моё имя, осквернять его, выливать грязь на всё, что я создам. Гарри был мастером таких игр, и я знала, что он не пощадит меня.

Но я больше не хотела работать на него. Не хотела приносить успех его компании, его империи, построенной на циничности и жажде наживы. На меня вышло другое издательство — с более выгодными условиями, с людьми, чьи души не были отягощены тьмой. Их запах был чистым, как свежий ветер, а глаза светились искренностью и благими намерениями. Они говорили о книгах как об искусстве, а не как о товаре. И я чувствовала, что это мой шанс. Шанс начать всё заново, без гнили, без тени, которая преследовала меня в кабинете Гарри.

— Я сделаю вид, что этого разговора не было, — махнул он рукой. — В конце недели жду остальную часть рукописей.

Как произнести эти слова, зная, что они станут началом конца? Гарри ненавидел своих конкурентов. Для него они были не просто врагами — они были предателями, теми, кто осмеливался бросить ему вызов. И если он узнает, что я хочу уйти к ним, его ярость не будет знать границ. Я представляла, как его лицо покраснеет, как голос станет резким, а запах копчёной рыбы смешается с гневом. И я боялась не за себя, а за тех, кто предложил мне руку помощи. Ведь Гарри не остановится перед тем, чтобы навредить и им.

— Я не хочу больше пользоваться вашей помощью. Вы мне многим помогли, но я хочу встать на ноги сама, — я прикусила губу.

— Анора, прошу, будь благоразумна! Подумай, подумай ещё раз над этим! А пока иди! Взвесь всё, Анора!

Когда я вышла из его кабинета, то вдохнула полной грудью, и воздух показался мне невероятно свежим, почти целебным. Он смывал с меня тяжёлый запах, который, казалось, навсегда въелся в мою кожу за годы работы с Гарри. Но вместе с облегчением пришло и осознание: этот разговор, хоть и быстрый, был лишь началом. Как противостоять человеку, который годами держал меня на коротком поводке?

Я взглянула на небо, затянутое плотными серыми тучами, готовыми вот-вот пролить на землю новый поток дождя. Мелкие капли уже покрывали асфальт, превращая его в зеркальную поверхность, в которой отражались тусклые огни фонарей. Я поймала взглядом конный экипаж и укрылась в нем от начинающегося дождя.

Когда я наконец добралась до нашего поместья, моё внимание сразу привлекло нечто необычное — у ворот стоял автомобиль. Вот оно пересечение времени. Автомобиль был роскошью, их приобретали знатные богачи и когда по улицам проезжали машины, то люди останавливались, чтобы полюбоваться на символы прогресса. И вот теперь один из них стоял у нашего дома, смешивая запах бензина с сыростью Лондона.

Я замерла на мгновение, пытаюсь понять, какие гости пожаловали в наш дом. Кто мог приехать к нам с таким владением? К маме? К сестре? Или, может быть, ко мне? Моё сердце забилося быстрее, и я почувствовала лёгкое беспокойство.

Глава 2

Наследие

Я вошла в дом медленно, стараясь не выдавать волнения. Тяжелая дубовая дверь затворилась за спиной с глухим стуком, отсекая шум лондонского дождя. Из гостиной доносились голоса — они звучали почти непринужденно, но за этой светской легкостью угадывалась натянутая струна.

Я стянула промокшее пальто, стряхнула ледяные капли, и на мгновение замерла, вглядываясь в свое отражение в мутном зеркале холла. Поправив выбившиеся пряди, я сделала глубокий вдох и направилась к свету ламп.

Стоило мне переступить порог гостиной, как разговор оборвался, точно обрезанная нить. Мать и сестра стояли у камина, а рядом с ними незнакомый мужчина.

— А вот и Анора! — в голосе матери прозвучала напускная радость, которая всегда служила ей щитом.

— Добрый день, — я ответила сухим, вежливым поклоном. — Не ожидала застать у нас гостей.

— Приветствую вас, мисс Анора, — мужчина шагнул навстречу и протянул руку. — Я слышан о вас и ваших книгах. Для меня честь иметь с вами дело.

Его ладонь оказалась прохладной и непривычно изящной. На первый взгляд он казался совсем молодым, хотя в нашем кругу богатство давно научилось искусно ретушировать возраст. Лицо его было безупречно гладким, лишенным малейших морщин, а взгляд — ясным и обезоруживающе уверенным. Тёмный костюм, сшитый лучшими портными сидел на нем идеально, подчеркивая грацию движений. На запястье тускло блеснули золотые часы, ловя мягкие блики канделябров, а на пальце виднелся перстень с камнем, чья цена могла бы прокормить квартал бедняков в течение года.

— Благодарю, — я сдержанно улыбнулась, не спеша отпустить его руку. — О каком же деле идет речь?

— Прошу простить мою неловкость, я несколько растерялся перед вами, — на его щеках проступили едва заметные ямочки. — Позвольте представиться: Чарли Гленн. Я занимаюсь оценкой недвижимости.

От него исходил почти противоречивый аромат — свежесть мороза, словно он только что вышел из зимнего леса, смешанная с тонкими, хрупкими нотами ежевики. Но за этим благородным букетом скрывалась едва уловимая, сладковатая нотка гнили. Она была настолько тонкой, что её можно было бы не заметить. Я невольно усмехнулась про себя. Если бы эта порча была сильнее, если бы она заполнила комнату, вытесняя кислород, я бы не смогла скрыть отвращения. Но здесь, в этом изысканном сочетании мороза и ежевики, он казался почти уместным — как напоминание о том, что даже в самом прекрасном может скрываться тень.

— Анора, мистер Гленн прибыл, чтобы обсудить поместье в Хельдаре, — заявила мать.

— В Хельдаре? — моё сердце на мгновение споткнулось.

— Твой отец оставил тебе поместье. По завещанию. Мистер Гленн отправится туда, чтобы подготовить дом к продаже, — произнесла она без тени сочувствия, словно речь шла о старом гардеробе.

— Отец умер? — слова сорвались с губ прежде, чем я успела осознать их вес. — Ты не собиралась мне об этом сказать? Не сейчас, когда уже решила продать его владения, которые завещаны мне.

Новость о смерти отца стала глухим ударом, отозвавшимся где-то глубоко внутри. Мы с ним были далеки, я почти не знала его. Они с мамой развелись, когда мне было шесть лет, а сестре — десять. После этого наши пути разошлись. Мама всегда плохо отзывалась о нём,

не желая, чтобы мы поддерживали с ним связь. Она говорила, что переживает за нас, что он опасен своим сумасшествием. И я верила ей. Верила, потому что не знала другого.

— Анора, милая, я собиралась сказать сегодня же... мистер Гленн просто приехал чуть раньше, — в голосе матери промелькнула тень тревоги.

— Почему ты так спешишь избавиться от дома? — я замерла, вглядываясь в её лицо. — Вопрос не в деньгах, я знаю. Почему я узнаю об этом так нелепо? — горечь и гнев подступили к горлу.

— Анора, я сожалею, что тебе пришлось об этом узнать только сейчас, — она поджала губы. — Мне всегда трудно было говорить о вашем отце. Ты знаешь, что каждое слово дается мне непосижимым трудом и болезненным осколком.

Я промолчала. Да, это действительно было так. Мама никогда не любила вспоминать об отце, избегала разговоров о нём, как будто само его имя могло пробудить что-то тёмное, что она так тщательно пыталась забыть. В её глазах, в её голосе и в каждом жесте, когда речь заходила о нём, смешивалось столько чувств, а одно из них было страхом.

— Анора, ты сама знаешь, каким был твой отец. Это поместье — лишь напоминание о нём. Зачем тебе это? Лучше избавиться от него, пока оно не стало обузой.

— Если отец оставил его мне, значит, у него были причины, — отрезала я. — Я поеду в Хельдар вместе с мистером Гленном. И только там решу о продаже.

— Анора, милая, нам не нужно это поместье. В нем нет ничего, кроме старых стен!

— Мы не нуждаемся в деньгах, чтобы так скоро его продавать. Этот дом часть — моего детства. Может, стоит туда наведаться? Хотя бы попрощаться...

Мама смотрела на меня, и в её глазах читалось что-то, чего я не могла понять. Возможно, она видела в моих словах не просто желание сохранить поместье, но и попытку восстановить связь с прошлым, с отцом, которого я почти не знала. И, возможно, это её пугало больше всего.

Я мало что помню из Хельдара, но я не видела никаких причин так скоро продавать этот особняк. Хельдар — это обивки воспоминаний, словно старые, потускневшие фотографии, мелькавшие в моём сознании: высокие деревья, сквозь которые пробивался хмурый свет; холод, сопровождающийся сильным ветром, который заглушал вой волков; запах ладана, сырости, древесного дыма и корицы. Большого вспомнить я не могла.

Отец мой также мелькал обрывками разорванных фотографий. Помню его руки — большие, тёплые, которые поднимали меня высоко в воздух, и я смеялась, чувствуя себя птицей. Помню, как он читал мне сказки перед сном, его голос был низким и спокойным. Я не вспоминаю, чтобы он был плохим человеком. Но моя сестра согласна со всеми словами матери. Чего она такого помнит, что в моей памяти так беспросветно утеряно? Она говорит, что знает его другим. Утверждает, что он был холодным, резким, что в его глазах иногда вспыхивало что-то пугающее. Она говорит, что он мог кричать, что его настроение менялось в одно мгновение, и она боялась оставаться с ним наедине.

— Мистер Гленн даст нам немного времени, чтобы подумать, — она с сожалением взглянула на него. — А мы обсудим с тобой всё за чашкой чая, Анора.

— Простите мою поспешность, мисс Роуз. Я посчитал, что ранний визит будет благом. Буду ждать вашего решения.

— Ох, Чарльз, тут нет вашей вины! — сказала мама. — Это я прошу извинить меня за наше семейное недопонимание.

Мама отправилась провожать оценщика, а я рухнула на кресло, пытаясь собрать все свои мысли воедино. Взгляд мой упал на окно. Из гостиной открывался прекрасный вид на переднюю часть двора. Наша территория была достаточно большой, с зелёным лугом, который простирался до ворот и фонтаном, который служил гостеприимным украшением. Вода в нём искрилась под тусклыми фонарями, создавая блики, и я на мгновение застыла, наблюдая за этим спокойствием. Оно казалось таким далёким от того, что происходило внутри меня.

— Анора, я думаю, что нам будет лучше скорее продать этот особняк, — заявила сестра.

— Тебе не хочется сохранить часть своего детства, единственную потерянную связь с отцом?

— Ты знаешь мой ответ, — она поджала губы. — Может, наш отец и не был плохим человеком. Но он был безумен, и эта болезнь ничего не оставляла от него прежнего. Это был тяжелый и страшный период для нашей мамы. Нам повезло, что мы были детьми и мало, что понимали. Наша память не сохранила все эти моменты его неизбежной болезни, — она вздохнула. — Анора, пусть он останется для тебя хорошим отцом, если ты его запомнила именно таким. Я бы тоже хотела думать о нем, не вспоминая ужасов, которые отпечатались в моей детской памяти.

Когда мама вернулась, в её руках был поднос с фарфоровыми чашками чая, маленьким графином сливок и ароматными булочками с корицей. Запах свежей выпечки заполнил комнату, создавая иллюзию уюта, но атмосфера между нами оставалась напряжённой. Она поставила поднос на стол, её движения были медленными, почти нерешительными, как будто она пыталась оттянуть момент, когда нам придётся говорить.

— Когда его не стало? — спросила я, глядя, как сливки растворяются в темной заварке, подобно белым призракам.

— Год назад, — мама опустила взгляд.

— Год?! — я едва не выронила чашку. — Ты скрывала это целый год?

— Анора, — с сухостью в горле произнесла она. — Я знаю, что ты расстроена. Понимаю, что ты одолена сомнениями, винишь меня в моей скрытности.

— Нет, я не виню тебя, — я коснулась её благородной руки. — Но будь честна со мной и расскажи, с чем связана буря твоих эмоций и страхов...

Мне не хотелось давить на неё. Ей непросто говорить о Хельдаре и об отце... Её лицо, обычно такое уверенное и красивое по ангельски, теперь выражало боль и растерянность. Это было похоже на то, как если бы она, наконец, выбралась из холодного океана, достигнув спасения, и вдруг! Вдруг ее снова кидают в ледяные воды с головой.

— Я влюбилась в прекрасного человека. Ваш отец, мой муж Абрам был моей всепоглощающей любовью. Когда я забеременела тобой, Анора, то мы решили перебраться из шумного Лондона в Хельдар, откуда родом был Абрам. — Она взяла свою чашку, её пальцы сжали фарфор так сильно, что костяшки побелели. — Хельдар казался таким тихим и спокойным, я подумала, что там нас ждёт настоящее счастье. Но Абрам начал меняться, сначала это было незначительно. Все началось с каких-то кошмаров, затем он утверждал, что видит каких-то немислимых существ.

Моё сердце остановилось, а руки задрожали.

— Существей? — переспросила я.

— Да. Врач прописал ему какие-то таблетки и это ненадолго прекратилось. Спустя ещё время он начал бредить такими вещами, которые я даже и не вспомню. Куда-то пропадал по ночам, а под утро возвращался весь грязным, истерзанным, будто дрался со стаями волков. Он ходил во сне, был совсем не в себе, мог ударить меня, отшвырнуть от себя в стену Камилу. Я его уговорила съездить в Лондон, развеяться, надеялась, что это поможет. И это помогло. Его сонохождение прекратилось, но образы продолжали его преследовать. Когда мы вновь вернулись в Хельдар, то его приступы начали проявляться не только в сне. Он менялся на глазах, становится сам не свой, а потом ничего не помнил. С каждым разом его приступы становились продолжительнее, а бред более явным. Я приняла решение забрать вас и уехать, пока его будут лечить. Но все было напрасно, то приступы пропадали, то исчезали. Я так боялась, что он причинит вам настоящий вред в своем безумии. Хельдар стал для меня символом нашего разлома. Отправной точкой. Это место зловеще только у меня в голове, а этот особняк — напоминание неизбежности. Неизбежной и неизлечимой болезни твоего отца.

— Мне очень жаль, мама, — я сжала её руку и прижалась головой к её груди. От неё всегда пахло медом и жасмином.

Она просто пыталась нас защитить от него... Её опасения были оправданы. Мой отец был всё же болен. Эти слова, как тяжёлые камни, упали в тишину моих мыслей, нарушая привычный ход размышлений. Значит ли это, что и я ношу в себе ту же болезнь? Неужели меня ждёт та же участь — медленное погружение в пучину безумия, которое постигло его? Или же это нечто иное, не болезнь, а дар, странный и пугающий, с которым он не смог совладать, но который сумею обуздать я?

— Что это за болезнь? — спросила я.

— Какое-то тяжелое расстройство психики.

— Почему ты раньше не сообщила об его смерти? — голос дрогнул. — Почему не давала нам хоть немного общаться?

— Я совсем недавно узнала эту новость, — она прикусила губу. — Мне было страшно, что он причинит вам вред.

Что, если это не сумасшествие, а дарование, которое требует не лечения, а понимания? Во мне разжегся страх перед тем, что я могу ошибаться. Страх перед тем, что я следую по его стопам, и что однажды тоже окажусь на краю пропасти, из которой нет возврата.

— Я съезжу в Хельдар, — заявила я. — Хочу попрощаться с домом, с отцом. Теперь я понимаю, что ты туда никогда не поедешь. Но я должна проститься с ним...

— Ладно, Анора, — тень спокойствия вернулась к ней. — Мне стало легче, когда я сказала хоть и не всех кошмаров, но саму их суть.

Мне было горько осознавать, как всё сложилось. Я не разговаривала с отцом с того самого дня, когда мама увезла нас прочь. Отец сам не проявлял инициативы, будто мы стерлись из его памяти. Годы шли, а расстояние между нами становилось бездной молчания. Я научилась жить так, словно его никогда и не было.

А теперь стало поздно.

Поздно задавать вопросы. Поздно искать объяснений. Поздно жалеть о словах, которые так и не были сказаны. Меня настигло понимание, что некоторые двери закрываются навсегда, и никакая сила, ни время, ни раскаяние уже не способны их открыть.

И эта мысль была тяжелее любого упрёка.

Вечером я сидела за своим письменным столом, пытаюсь работать над книгой, но мысли, как назойливые мухи, кружили вокруг меня, не давая сосредоточиться. Капли дождя стекали по оконному стеклу. Лондон накрыла гроза, которая, казалось, затянется на несколько дней. Где мне отыскать ответы на свои вопросы? Где та нить, которая поможет распутать этот клубок сомнений и страхов? Что это за сила, которая постигла нас с отцом? Я всегда считала её своей особенностью, даром, который позволял мне видеть то, что скрыто от других. Но что, если это не дар, а опасность? Что, если это тень, которая вот-вот ступит над мной, как эти тучи над Лондоном, и поглотит меня, как поглотила отца? Может быть, ответы ждут меня там, в этом поместье, которое отец оставил мне? Может быть, именно там я смогу понять, что это за сила, которая связывает нас, и как с ней справиться. Или, быть может, это место лишь усилит мои сомнения, погрузив меня в ещё больший хаос?

Я отложила перо и подошла к окну. За стеклом бушевала стихия, но внутри меня буря была ещё сильнее.

Глава 3

Новые крылья

Завтрак не принес облегчения; вкус еды казался бумажным. Я направилась в свое новое издательство, чтобы окончательно обрубить канаты, связывавшие меня с тонущим кораблем мистера Гарри. Небо над Лондоном затянуло свинцовыми тучами, дождь на мгновение при- смирел, оставив после себя тяжелый, напоенный влагой воздух.

Я шла по улицам, отгородившись от мира привычным панцирем безразличия. Это стало инстинктом — не встречаться взглядом с прохожими, не вглядываться в их изломанные сущности и не позволять чужим теням касаться моих полей пальто. В таком огромном городе запахи могли свести с ума: тысячи историй, тысячи гниющих тайн сливались в один оглушительный поток. Я чувствовала себя щепкой в бушующем море чужих пороков, где каждая волна грозила утянуть меня в бездну.

Новое издательство встретило меня тишиной и запахом дорогого дерева. Меня попросили подождать в кабинете. Комната была просторной, с высокими окнами, в которых застыл величественный и равнодушный силуэт Биг-Бена. Его колокол словно отсчитывал последние секунды моей прошлой, зависимой жизни. Уход от Гарри, от его сальных шуток, запаха дешевого виски и вездесущей ауры тления — был для меня актом экзорцизма. Я хотела, чтобы мои книги перестали быть «товаром» в руках лавочника. Я хотела, чтобы они обрели голос.

— Доброе утро, мисс Вакслер! — дверь распахнулась, и в кабинет вошел Лайл Кейдж.

— Доброе утро, мистер Кейдж, — я поднялась, внимательно изучая его.

Лайл источал аромат, который в этом городе казался почти невозможным: кристальная чистота, едва тронутая нежными нотами пионов. Никакой Скверны. Никаких липких теней, шепчущих за спиной. Он был пугающе светлым. На мгновение мне даже стало не по себе — в моем мире такая чистота обычно была лишь искусно наложенным гримом. Но Кейдж казался настоящим.

— Вчера я закончил вашу рукопись, — он сел напротив, сплетя пальцы в замок. На его губах играла мягкая улыбка. — Это не просто текст, Анора. Это трепетная мелодия. Вы задеваете те струны души, о существовании которых люди предпочитают забыть.

— Благодарю вас, — непривычное тепло разлилось в моей груди.

Кейдж был молод, и его внешняя привлекательность казалась логичным продолжением внутреннего порядка. Рядом с ним я впервые за долгое время позволила себе вдохнуть полной грудью, не опасаясь захлебнуться чужой тьмой. Я хотела верить ему. Хотела быть частью команды, которая ищет в литературе искусство, а не сухой расчет.

— Вы уже изучили контракт? — спросил он.

— Да. Условия более чем достойные. Мне не терпится начать.

— Взаимно, — он одарил меня легкой улыбкой. — Подпишем его?

— Мой контракт с Гарри ещё не расторгнут, — я поджала губы. — Надеюсь, что у нас с ним остался последний разговор.

— О, не беспокойтесь об этом, — Кейдж подался вперед, его светло-голубые глаза потемнели от искреннего сочувствия. — Я направлю с вами своего лучшего адвоката. Я хочу избавить вас от этой ноши, Анора. Талант вашего калибра не должен томиться в руках тех, кто очерняет самую суть литературы.

Его слова отозвались во мне без сомнений на притворство. Он говорил и желал этого искренне.

— Почему вы так помогаете мне, мистер Лайл? — я задала вопрос в лоб, не в силах сдержать профессиональный цинизм. — В этом бизнесе альтруизм — редкий гость. Что движет вами на самом деле?

Кейдж замер. Его улыбка стала почти детской, лишенной всякого лукавства.

— Вы задаёте правильные вопросы, мисс Анора. Вы читали мои произведения?

— Конечно. Разве есть те, кто не читал?

— Вы знали, что мои первые работы выходили у Гарри? — он произнес это спокойно, без тени обиды. — Он присвоил права на них, лишив меня всего. Мной не движет месть, нет. Мной движет неприязнь к тем, кто превращает творчество в мертвый товар. Литература — это способ менять мир, Анора. И я хочу, чтобы вы стали моим союзником в этой войне.

Кейдж действительно был человеком, который верил в силу книг, в их способность вдохновлять, учить и менять. И я чувствовала, что с ним я смогу не только сохранить свою свободу, но и найти новую высоту, на которую ещё не поднималась.

— Я рада, что нашла человека, который разделяет мои взгляды на литературу, — улыбнулась я.

— Вы пишете, потому что чувствуете. И это чувство, эта искренность, передаётся читателю. Это редкий дар, мисс Анора. Вы пишете не для того, чтобы угодить рынку или заработать на сенсации.

— Благодарю вас, Лайл. Я очень ценю, что вы обратили на меня внимание, — я улыбнулась. — Наш редактор пойдет к нам? Мне хочется познакомиться со всем коллективом.

— Наш редактор не сможет подойти сейчас, — он посмотрел на часы. — Но если вы примите приглашение на мероприятие, то сможете познакомиться со своими коллегами и единомышленниками.

— С удовольствием.

— Жду вас сегодня вечером в Розвайт, отметим наш успех!

Когда я вышла из кабинета, меня уже ожидала адвокат. Это была женщина с суровым лицом, на котором читалась непоколебимая решимость. От неё исходил аромат холодной стали, внушающей доверие. Её присутствие было подобно щиту. Она не просто была адвокатом — она была воином, который стоял на страже справедливости.

— Меня зовут Бэлл Дефо и я ваш адвокат, — её голос был твёрдым, — Давайте обсудим, как мы можем защитить ваши интересы.

Мы шли по улице и обсуждали мои права на книги. Рядом с ней страх перед Гарри начал отступать, сменяясь холодной решимостью. Но когда мы вышли на площадь, всё изменилось. Резкий, едкий смрад гнили полоснул по ноздрям, словно ржавый нож. Я замерла, чувствуя, как этот зловонный запах заполняет мои лёгкие, отравляя каждую клетку тела. Белл что-то говорила, но её голос заглушил нарастающий гул в моих ушах. Мой взгляд метнулся по толпе, пытаюсь найти очаг и остановился на мужчине, стоявшем посреди площади. Его огибали почти материальные, иссиня-черные тени, на которых проявлялись лица, искажённые гримасой злобы. Тени пульсировали, обвивая его шею и конечности. Они беззвучно хохотали, скалясь на прохожих. Когда я встретилась с ними взглядом, одна из теней замерла и подмигнула мне. В следующую секунду мужчина рухнул на колени и с безумной силой начал биться головой о булыжную мостовую.

Звук ударов, глухой и страшный, эхом разнёсся по площади. Кровь брызнула фонтаном, смешиваясь с пылью и грязью. Ужас сковал меня, будто невидимые цепи. Я не могла пошевелиться, не могла отвести взгляд. Толпа взвизгнула и отпрянула, волной разойдясь в стороны, но никто не решался подойти ближе. Люди отступали, прятались друг за друга, но продолжали смотреть. Мужчина не прекращая наносил удары, превращая свое лицо в кровавое месиво. Ком тошноты подступил к горлу, а руки задрожали, как осенние листья на сухих ветках.

— Врача! Врача! — кричал кто-то из толпы.

— Мисс Вакслер! Пойдемте, не смотрите! — Белл схватила меня за плечо и меня прошибло током.

До издательства Гарри я дошла как в тумане. Шаги были механическими, чужими, словно тело шло без меня. Внутри всё клокотало от ужаса. Твари на площади были реальны, и мир вокруг казался мне теперь хрупким карточным домиком. Но самое страшное было не это. Самое страшное — что остальные ничего не видели.

— Вы в порядке? — в голос Белл была тревога. — У вас шок. Я принесу вам воды.

— Не стоит, мэм, все хорошо, — я вдохнула прохладный воздух.

— Уверенны, что готовы сейчас идти к Гарри?

— Нужно покончить с ним быстрее.

Я отыскала в себе силы, чтобы зайти в здание. Каждый шаг давался с трудом, словно я шла по зыбкому песку, который вот-вот меня затянет. Но отступить уже было нельзя. Самодовольное лицо Гарри заставило меня вернуться к реальности. Он ждал меня, развалившись в кресле. Его запах тлена сегодня был особенно невыносим. Он смешался с застоявшимся желчью, не обещая ничего хорошего.

— Анора, моя Анора! Я ждал тебя! — пропел он, не скрывая издевки. — У меня для тебя чудесная новость! Твой контракт не может быть расторгнут ещё целый год! — он рассмеялся, и этот звук напомнил мне скрежет металла по стеклу.

— На каких основаниях, мистер Гарри? — голос Белл ударил, как хлыст.

— А вы еще кто такая? — он посмотрел на неё с призранием. — Избавь меня от присутствия этой дамы, Анора. Это не проходной двор!

Я сделала шаг вперед, и мой острый взгляд впился в его заплаканные глаза.

— Это Белл Дефо, мой адвокат. И сегодня мы будем говорить на языке закона, который вы так старательно пытались обойти.

Гарри замер на мгновение, его глаза сузились от неожиданности. Но затем он снова улыбнулся, но в его улыбке читалось что-то зловещее.

— Ты выбрала неправильную сторону, — его голос стал тише. — Но я не привык проигрывать.

— Я тоже, Гарри.

Следующий час превратился в битву. Белл разбивала его уловки одну за другой, цитируя пункты контракта, которые Гарри надеялся скрыть. Его самодовольство осыпалось, как старая штукатурка, обнажая истинное лицо — злобное, мелочное и испуганное. Когда он понял, что проигрывает, его гнев взорвался. Запах гнили в кабинете стал почти осязаемым, от него слезились глаза. Гарри схватил копию контракта и с яростью разорвал её, швыряя клочья мне в лицо. Он был не в себе, ведь потерял не просто автора — он потерял свой основной доход.

— Неблагодарная *fille de pute*! — взревел он, его лицо пошло багровыми пятнами. — Ты еще приползешь ко мне на коленях! Я уничтожу твоё имя! Я натравлю на тебя всех критиков Лондона, они смешают твои книги с грязью! Ты не продашь ни единой строчки!

Я посмотрела на него с ледяным спокойствием. В этот момент я чувствовала себя бесконечно выше этого жалкого человека.

— Вы только что подтвердили всё, что я о вас думала, Гарри. В вас нет ни чести, ни таланта, только жадность. Что же касается критиков, то я верю в своих читателей. Они отличают искренность от яда, который вы попытаетесь разбрызгать. Настоящая литература живет вопреки таким, как вы. Прощайте.

— Не думай, что я так просто закрою на это глаза! — его голос был как рёв раненого зверя. — Я уничтожу тебя.

— Это уже угрозы, мистер Гарри, — возразила Белл. — А на угрозы свои законы.

Когда мы вышли, то я почувствовала божественное облегчение. Будто с меня смыли грязь, которая годами прилипала к коже. Я наконец-то ощутила себя птицей, только что вырвавшейся из тесной клетки.

— Белл, я вам благодарна, — я пожала руку адвокату.

— Теперь вы свободны, мисс Вакслер. Остальное лишь бумажная волокита.

Я кивнула, глядя на небо. Тучи всё еще висели над городом, но сквозь них пробивался тонкий, призрачный луч света. Это было начало. Мое новое и абсолютно свободное начало.

Глава 4

Встреча

Вечером я готовилась к мероприятию, на которое меня пригласил Лайл. Я замерла перед зеркалом, придирчиво изучая ту, что смотрела на меня из отражения. Для приема я выбрала платье цвета свежего снега — легкое и почти эфемерное. Этот белый шелк был моим символом надежды в мире, где я ежесекундно видела пятна чужого распада. Поэтому мне отчаянно хотелось самой казаться безупречной. На темных волосах дерзким росчерком замерла алая шляпка, а губы, тронутые тем же цветом крови, стали единственным ярким акцентом на бледном, фарфоровом лице.

В дверь коротко постучали. Камила вошла и застыла на пороге, не в силах скрыть восхищения.

— Как прелестно... — выдохнула она. — Ты похожа на ожившую иллюстрацию к своим мрачным сказкам. Что за повод на этот раз?

— Поминки по моему прошлому контракту, — отозвалась я, поправляя перчатку. — И крестины нового.

Взгляд сестры скользнул по письму, лежащему на бюро.

— Тебе конверт от Дана. Я думала, между вами всё кончено.

— Так и есть, — я поморщилась, принимая бумагу.

Я вскрыла конверт, надеясь на деловое уведомление, но из него пахло дешевой театральностью:

“Моя прекрасная Анора. Мой цветок любви! Твои лепестки коснулись моей души, пробудив во мне огонь страсти! Я мечтаю о твоих голубых глазах, в которых словно отражается голубизна глубокого океана. Мечтаю о твоих тёмных, шелковистых волосах, которые обрамляют твою бледную кожу с естественным румянцем, словно нежный бутон пиона. Любимая Анора! Давай поговорим. Я знаю, что ты скучаешь, но слишком горда, чтобы признаться в этом. Буду ждать тебя в ресторане Аморе к семи вечера.”

Я едва подавила тошноту. Дан никогда не умел складывать слова в смыслы — это была работа его секретарей, нанятых, чтобы имитировать чувства. Его попытки казаться романтичным выглядели фальшиво и неубедительно. Мы расстались в тот день, когда я больше не смогла игнорировать запах, исходящий от него. Дан не просто жаждал власти — он гнил в ней заживо. Ложь, интриги и алчность пропитали его сущность.

Я отшвырнула письмо. Неужели он всерьез верил, что я «слишком горда, чтобы вернуться»? Нет, Дан. Я просто слишком брезглива, чтобы ворошить золу сгоревшего костра. Я надеялась, что не встречу с ним случайно, ведь эти рестораны были соседями.

— Куда такая красота направляется? — в комнату заглянула мать.

— У неё мероприятие с новым издательством! — сразу же ответила Камила.

— Это замечательно! — улыбка озарила её лицо, а затем медленно померкла. — Мистер Глене прислал уведомление. Он готов завтра отправиться в Хельдар.

— Хорошо, — легкое волнение опустилось на мои плечи, словно тонкая, но ощутимая пелена. — Вернусь пораньше, чтобы успеть собраться.

— Ты уверена, что хочешь отправиться туда? — тень сомнений и беспокойства снова одолела её. — Может, мне стоит с тобой поехать?

— Я не хочу, чтобы ты снова возвращалась в свой личный ад. Тебе это не нужно, — я взяла её за руку, — А за меня не переживай.

Она вздохнула, её пальцы слегка сжали мою руку, словно она пыталась удержать меня здесь. Но я знала, что должна поехать. Хельдар звал меня, и я должна была ответить на этот зов.

— Это только мои страхи, — она погладила мою руку. — Мне действительно не нужно переживать за тебя.

Но на её гладком лице, обычно таком спокойном и умиротворённом, все ещё отражалась печаль прошлых лет. Её беспокойство повисло в воздухе, плотное и осязаемое, как туман, который невозможно развеять.

В семь вечера я зашла в ресторан Розвайт. Он встретил меня блеском хрусталя и приглушенным ропотом элиты. Закатное солнце, пробиваясь сквозь ажурные шторы, окрашивало зал в персиковые и золотистые цвета. В центре каждого стола стояли высокие вазы с белыми розами, их лепестки казались почти прозрачными в свете свечей. В углу зала, на небольшой эстраде, струнный квартет исполнял лёгкие, мелодичные композиции. Звуки скрипки и виолончели плыли в воздухе, создавая атмосферу утончённой гармонии. Официанты в белых перчатках предлагали бокалы шампанского. Гости, одетые в вечерние наряды из шёлка и атласа, перемещались по залу с грацией и непринуждённостью, будто каждый их шаг отрепетирован. Воздух был наполнен лёгким ароматом цветов, смешанным с дорогим парфюмом.

— Рад видеть вас, мисс Анора. Вы сегодня ослепительны, — Лайл Кейдж возник рядом, как доброе предзнаменование. — Позвольте представить: ваш редактор, Дороти Ланг.

Девушка в строгих очках и с гладким пучком волос выглядела так, будто жила среди книжных полок.

— Я... я читала всё. Каждый ваш рассказ! — выпалила она, краснея. — Для меня честь работать с вашим слогом.

— Очень приятно, Дороти! — я улыбнулась ей, отмечая про себя чистоту её запаха — сухая бумага и немного чернил. Безопасно. — Уверенна, что нас ждёт прекрасная работа вместе.

Девушка опустила взгляд, пытаясь скрыть смущение и радость, которые переполняли её от нашей встречи. Её улыбка, едва заметная, но искренняя, говорила больше, чем слова.

— Анора Вакслер! — услышала я голос проходящего мимо мужчины. — Рад знакомству лично! Меня зовут Марти Милн.

Марти Милн — известный предприниматель Лондона и миллионер. Весьма честный мужчина, который добился своего успеха чистым путем. От него пахло дорогим табаком и хорошим коньяком — никакой скверны, только скучное благородство.

— Моя старшая дочь мечтает о встрече с вами. Она ваша большая поклонница.

— Это очаровательно! — удивилась я. — С радостью устрою с ней встречу, если вы намекаете именно на это.

— Я не останусь перед вами в должниках, ведь вы окажете мне невероятную помощь, порадовав мою дочь. За ваше время я вас щедро вознагражу, не сомневайтесь в этом.

Мужчина поднял бокал с шампанским и с легким поклоном удалился, оставив после себя тонкий шлейф дорогого парфюма. А мы вернулись к творческой беседе, погружившись в мои книги. Голоса вокруг смешивались с тихой музыкой, создавая фон, на котором наши слова звучали особенно четко. Мы говорили о планах, о новых работах, которые уже начали обретать форму в моих мыслях, и о графике, который становился всё более насыщенным. Каждая идея, каждый проект казались частью большого пазла, постепенно складывающегося в нечто цельное и значимое.

— Прошу прощения, — Лайл вдруг подобрался, его взгляд устремился к входу. — Прибыл мой самый важный гость.

К нам направлялся высокий темноволосый мужчина. У него были широкие плечи и прямая гордая осанка, которую взглядом провожали гости. Каждый его шаг был наполнен уверенностью и непоколебимостью. Толпа расступалась сама собой, словно перед хищником, вошедшим в отару овец. В его движениях чувствовалась та редкая, естественная власть, которой не

нужно доказывать себя. Мужчина не просто привлекал внимание. Он неизбежно собирал его вокруг себя без усилия, без единого слова, одним лишь фактом своего присутствия.

— Это мой дорогой друг, Николас Морэль, — представил его Лайл с явной гордостью. — А это лучший автор Лондона — Анора Вакслер, и лучший редактор — Дороти Ланг.

Мои ресницы дрогнули и предательски опустились, словно пытаюсь укрыться от его взгляда. Какая досадная слабость. Я ведь никогда не была из тех женщин, что теряют самообладание при виде привлекательного мужчины.

— Рад встречи, — Голос Николаса был низким, с бархатистой хрипотцой, от которой по моей коже пробежала невольная дрожь. — Наслышан о вашем таланте, мисс Анора. Хотя, каюсь, еще не успел с ним ознакомиться.

Его лицо обрамлял холод, почти царственная строгость. Но в этой сдержанности таилась особая, почти опасная привлекательность, как в лезвии изысканной шпаги, что мерцает в полумраке. Черты его лица безошибочно выдавали отточенность поколений аристократии. И всё же, на этом безупречном лице был шрам — дерзкая отметина, проведенная самой судьбой. Он рассекал бровь тонкой линией, словно молния, и мягко терялся у нижнего века. Это не было изъяном. Шрам не портил мужчину, он придавал его облику странную завершенность.

— Николас приехал в город по делам и любезно почтил нас своим присутствием, — Лайл похлопал его по плечу, добавляя лёгкую ноту непринуждённости в строгую атмосферу.

— Не мог отказать в этой встрече, — он улыбнулся, но его глаза остались нетронутыми и холодными.

— Не сочтёте за грубость, если я спрошу, чем вы занимаетесь? — я решила завести с ним светскую беседу, осторожно подбирая слова, чтобы не нарушить тонкую грань между любопытством и уважением. — Тут полно художников и бизнесменов. На какой вы стороне?

— Я... — он сделал паузу изучая мои глаза. — Я работаю в церкви.

Его синие глаза, холодные и пронзительные, застыли на мне. Внутри что-то дрогнуло и я замерла, ощущая волну тревоги и восхищения.

— Он правая рука Верховного Архиепископа, — сказал Лайл.

— Вы священник? — я не смогла скрыть удивления, окинув взглядом его светский, хоть и строгий наряд. На нем не было ни сутаны, ни креста.

— Нет, — его губы тронула тень улыбки. — Помощник, — он поправил рукав своего черного пиджака, на котором были вышиты серебряные узоры, тонкие и изысканные.

— Аколит?

Аромат Николаоса окутывал, словно медленно стелющийся туман, который мягко ложится на кожу и незаметно проникает в дыхание. В нём переплетались тяжёлые, дымные ноты ладана и едва уловимая сладость хрупкой розы. Я невольно вдохнула этот аромат глубже. Мне вдруг стало ясно, что ни от одного человека прежде не исходил столь благовонный запах. С каждым вдохом он словно проникал всё глубже, мягко заполняя лёгкие, и казалось, будто чья-то невидимая рука на мгновение приглушает тревогу, осторожно успокаивая беспокойный ритм сердца.

— Особый помощник, — повторил он с непоколебимой твердостью. — Я духовник. Исповедую грехи тех, кто приходит на исповедь.

В нём было что-то странное и завораживающее, что удерживало взгляд дольше, чем дозволяет приличие. Я не хотела допрашивать его, хотя мысли роились в голове, как пчёлы в улье, жужжа и норовя укусить любопытством. Любопытство легко спутать с наглостью, а я не желала казаться грубой или навязчивой. И всё же мысль о том, что Николас служит в Церкви, казалась почти невероятной. Но даже без символов святости его присутствие дышало властью и тайной, словно он носил церковь не на себе, а внутри себя.

— Николас не из тех, кто следует общепринятым правилам. Если он и служит в церкви, то делает это на своих условиях, — сказал Лайл.

Его слова только усилили моё любопытство. Он может быть полезен в делах, которые требуют нестандартного подхода? Но я понимала, что сейчас не время и не место для того, чтобы выведывать у незнакомца подробности. Мы вернулись к обсуждению собственных дел, а Николас растворился в толпе, оставив после себя лишь шлейф роз и предгрозового воздуха. Весь оставшийся вечер я ловила себя на том, что ищу его глазами среди шелка и атласа.

— Анора Вакслер, добрый вечер! — подошла ко мне женщина в изящном платье от французского кутюрье. — Я ваша большая поклонница.

— Очень приятно, — улыбнулась я.

— Меня зовут Элис Беранже. Я председатель модного дома Парижа. — она протянула мне руку с мягкой грацией.

— Рада встречи, Элис, — я сжала ее ладонь.

— Если у вас найдётся время, я буду ждать вас в Париже на главном показе. И я хотела бы лично презентовать на вас одно платье, — её голос звучал уверенно, но в нём скользила тонкая нота ожидания.

— Благодарю вас, Элис, — ответила я, ощущая трепет от встречи.

— Я пришлю вам приглашение.

Я направилась к столу с напитками и потянулась к ножке бокала с шампанским. Чья-то рука опустилась на соседний бокал раньше, чем я успела коснуться своего. Взяв свое шампанское, я обернулась и увидела Николаса в шаге от меня. Внутри все дрогнуло от неожиданности, заставляя замереть.

— Как вам мероприятие? — он сделал небольшой глоток, словно смягчая паузу. — Я заметил, что, хоть вы и известный автор, но внимание к вашей персоне вызывает у вас напряжение.

Его глаза словно уже успели заглянуть внутрь меня, вывернуть наизнанку все мои страхи и скрытые переживания.

— Вы видите слишком много для человека, который только что со мной познакомился, — парировала я. — Скорее всего, мне всё это непривычно.

— Слава — коварная спутница: к её блеску быстро привыкаешь, а лишение её ощущается как падение с высоты, после которого тяжело оправиться.

— Слава никогда не приходит даром, и её лишение тоже не случайность.

— Уверен, что вы хороший автор, и ваша слава будет идти с вами рука об руку, словно верный и добрый друг, — улыбнулся он, приподнимая бокал.

— Спасибо, мистер Морэль, — приподняла бокал в ответ.

Между нами повисло неловкое молчание, которое жаром разливалось по всему телу и пульсировало под кожей. Тишина настойчиво требовала что-то, чем можно было бы заполнить этот вакуум.

— Хорошего вечера, мисс Анора, — улыбнулся Морэль и его след снова простыл в толпе.

Когда мероприятие подходило к своему концу, я решила покинуть его, чтобы успеть к утру собрать вещи и немного выспаться. Я вышла на улицу, где прохладный и сырой воздух сразу коснулся моего лица. Фонари бросали на мостовую мягкий, желтоватый свет, а вдалеке виднелся конный экипаж, который мог бы доставить меня домой. Я собралась сделать шаг в его сторону, но внезапно чья-то рука крепко ухватила меня за запястье, заставив остановиться. Я обернулась и увидела Дана. Реальность снова напомнила о себе своим самым грязным обликом.

— Любовь моя, ты заставила меня ждать. Я думал ты уже не придешь.

Тяжелая рука сомкнулась на моем запястье сильнее. Его противный запах медленно, но настойчиво окутывал меня. Это был запах гнили, смешанный с перегаром.

— Дан, — вздохнула я. — Я и не собиралась приходить. Между нами все кончено.

— А что ты тогда делаешь здесь? Отбрось уже свою гордость. Она сейчас ни к чему.

— Дан, отпусти меня, — я попыталась вырваться, но он лишь сильнее сжал пальцы, оставляя на белой коже багровые следы.

— Нет, — он наклонился ближе, и его дыхание, горячее и тяжёлое, коснулось моего лица. — Ты не можешь просто так уйти. Ты принадлежишь мне.

— Я не принадлежу тебе.

Он замер на мгновение. Его глаза горели странным, почти безумным блеском. Затем его лицо исказилось от злости. За его спиной шевельнулась темная дымчатая тень, которая едва заметно окутывала его. Но я видела её — извивающуюся, с очертаниями, которые напоминали то ли руки, то ли крылья. Эта тень стала его частью, она была порождением его злобы, его отчаяния и его тёмной сущности. Мне стало по-настоящему страшно, но не за себя, а от того, что я видела в нем.

— Ты пойдешь со мной. Ты должна понять, что принадлежишь мне.

Он дёрнул меня за руку. Мои попытки вырваться казались жалкими и беспомощными. Его пальцы намертво впивались в моё запястье, оставляя на коже болезненные следы. Но в этот момент всё изменилось. Внезапно хватка Дана ослабла. Чья-то рука, затянутая в черную кожу, схватила его за плечо и с пугающей легкостью отшвырнула в сторону. Дан пролетел несколько шагов и едва удержался на ногах. Между нами вырос Николас. Мой спаситель в эту секунду. Его фигура в ночном тумане казалась монументальной. Синие глаза, холодные и пронзительные, были устремлены на Дана.

— Тебе стоит уйти, — голос Николаса прозвучал приговором. — Не стоит испытывать судьбу и приставать к девушкам.

Дан замер на мгновение, его глаза метались между мной и Николасом. Но затем его лицо снова исказилось от ярости, и он сделал шаг вперёд.

— Ты еще кто такой?! — взвизгнул Дан. — Это не твое дело!

— Теперь — мое, — Николас сделал полшага вперед. — Уходи, пока не стало поздно.

— Знаешь, кто я такой? — тыкнул он пальцем в Николаса.

— Боюсь, что мне это не интересно, — он откинул его руку с лёгкостью.

Дан замер, его глаза метались, и в них промелькнул животный, неосознанный страх. Тень за его спиной внезапно сжалась, словно испугавшись Морэля.

— Ты пожалеешь, — выплюнул Дан, отступая в темноту. — Вы оба пожалеете!

Он скрылся в переулке, а я осталась стоять, дрожа от холода и пережитого ужаса. Моё запястье всё ещё болело. Я была благодарна, что Николас появился вовремя. А Дана было жаль, что его поработила его же злость и алчность. Он стал совсем другим.

— Спасибо... — выдохнула я, глядя на свое покрасневшее запястье. — Не знаю, как вы здесь оказались, но я вам обязана.

Он кивнул, его лицо оставалось спокойным. А синие глаза принялись изучать мои черты. Они, будто два драгоценных сапфира, хранили в себе всю мудрость мира, но при этом оставались загадочными звёздами в ночном небе.

— Вы знакомы?

— К сожалению, — уклончиво ответила я. — Вы тоже уходите?

— Архиепископ не любит ждать, — он коротко кивнул, и на мгновение мне показалось, что запах роз стал сильнее, перекрывая вонь, оставленную Даном. — Берегите себя, Анора.

Мы разошлись и я направилась к конному экипажу, готовая оставить этот неприятный эпизод позади.

Глава 5

Бескрайнее море

Рано утром причал напоминал серый саван. Ледяной ветер рвал полы моего пальто и нещадно спутывал волосы, словно пытаюсь удержать на берегу. Воздух был пропитан солью, ржавчиной и предчувствием шторма. Вдалеке, покачиваясь на свинцовых волнах, ждало судно, которое должно было доставить нас в Хельдар. Путь в обход Англии по Северному морю был долгим, но я надеялась, что мерный гул волн утихомирят тени тревог в моей голове.

Камила настояла на поездке ещё вечером. Я не спорила. Маме было спокойнее знать, что рядом со мной будет профессиональный медик, а не только мои призрачные предчувствия.

— Вы точно ничего не забыли? — голос матери дрожал, перекрываемый чайками.

— Да, мама, — улыбнулась я. — Мы всё проверили.

— Мы присмотрим друг за другом, — Камила крепко обняла её. — Обещаю.

Из тумана вынырнула фигура Чарльза Гленна. Ветер, казалось, пытался помешать, яростно атакуя его шляпу, чтобы унести в пучину. Чарльз, однако, не сдавался, одной рукой придерживая головной убор, а другой крепко прижимая портмоне, в котором хранились ценные документы и договоры.

— Доброе утро, леди, — пропыхтел он, добравшись до нас. — Кажется, Нептун сегодня не в духе. Поторопимся на борт.

Мы с Камиллой крепко обняли маму, а затем поднялись на борт. Ветер стал холоднее, его порывы казались более резкими, словно сама природа хотела напомнить нам, что путь впереди будет нелёгким. Мама стояла на берегу, её фигура становилась всё меньше и меньше, но её рука всё ещё была поднята в прощальном жесте. Я чувствовала, как сердце сжимается, но в то же время внутри горела решимость. Хельдар ждал меня.

Вскоре берег исчез. Теперь вокруг была только серая вода и небо, не обещавшее милосердия. Ветер свистел в ушах, а волны бились о борт, но я продолжала стоять на палубе, чувствуя, как холод моря наполняет мои легкие.

— Пройдемте к нашим каютам, — сказал мистер Чарльз.

Мы с Камиллой последовали за Чарльзом по узкому коридору корабля, освещённому тусклым светом ламп, которые раскачивались в такт движения судна.

— Ваша каюта здесь, — сказал он, останавливаясь у двери с номером пятнадцать. — Надеюсь, вам будет удобно.

Он открыл дверь, и мы зашли внутрь. Каюта встретила нас запахом плесени и застоявшейся сырости. Тесное, лишённое изыска пространство: две узкие койки и привинченный к полу столик. У окна, которое выходило в море, стоял небольшой диванчик, покрытый пледом в клетку.

— Уютно, как в гробу на двоих, — вздохнула я, бросая саквояж на кровать.

— Главное, что есть где закрыть глаза, — отозвался Гленн из коридора. — Если вам что-то понадобится, то моя каюта через две двери.

Я кивнула, понимая, что на жестких кроватях придется поспать всего ночь. Мы зашли внутрь и закрыли дверь, и в тот же момент пространство каюты словно сжалось вокруг нас. С закрытой дверью здесь стало невыносимо тесно, будто стены начали медленно, неумолимо надвигаться, лишая меня ощущения свободы и чистого воздуха. Тусклый свет лампы, висящей на стене, отбрасывал длинные тени, которые казались живыми. Камила, будто не замечая этой давящей атмосферы, села на небольшой диван у окна, сняла туфли и устроилась поудобнее.

— Теперь у нас есть время поболтать, — улыбнулась она.

— Да, но я думала поработать над книгой, — я достала из чемодана печатную машинку.

Её клавиши, слегка потёртые от частого использования, казались мне такими знакомыми и родными, как будто они были продолжением моих пальцев.

— Ты хочешь, чтобы я тут умерла от скуки? — вздохнула она, её глаза выражали преувеличенное отчаяние. — Иногда я чувствую себя младшей сестрой, а не наоборот.

Я посмеялась. Действительно иногда было чувство, что я старше Камилы. Она всегда была более беззаботной, более спонтанной, в то время как я часто брала на себя роль ответственной и серьёзной.

— Ну, если ты так скучаешь, можешь помочь мне с сюжетом, — предложила я.

— Я дружу только с рецептами, стетоскопом и шприцами! — возразила она. — Я привыкла зашивать раны, а не ковыряться в душевных терзаниях вымышленных героев.

Камила была медсестрой, и её мир действительно вращался вокруг лекарств, диагнозов и заботы о пациентах. Она часто шутила, что её руки созданы для того, чтобы держать шприцы, а не перья. Но в её словах всегда чувствовалась гордость за свою профессию, за то, что она могла помогать людям в самые трудные моменты.

Стук клавиш слился с ритмом волн. Каждый удар по клавише отдавался в моих пальцах, словно эхо, напоминая о том, что слова, которые я печатаю, должны быть идеальными. Но чем дольше я писала, тем сильнее становилось ощущение удушья.

— Всё в порядке? — спросила Камила, листая газету.

— Не знаю. Мне кажется, стены здесь сжимаются. Я не могу сосредоточиться.

— Это из-за тесноты. Может, прогуляемся по палубе?

Мы вышли из каюты, оставив позади давящую атмосферу. На палубе бушевал ад. Солнце тонуло в океане, окрашивая волны в багровый, почти кровавый цвет. Оно будто не обещало больше вернуться.

Небо казалось разорванной раной. Брызги воды касались моего лица, оставляя на коже ледяную прохладу. Мои мысли уносились вдаль.

— Иногда нужно просто остановиться и посмотреть вокруг. Чтобы понять, что мы лишь маленькая часть чего-то огромного, — сказала я.

— Не думала, что эта поездка будет такой красивой, — ответила сестра.

— Камила, почему ты решила отправиться со мной? — спросила я, перекрикивая вой ветра.

Камила смотрела на горизонт. Её темные волосы метались, как крылья ворона.

— Это наш отец, Анора. И если ты хочешь узнать его лучше, то я отправлюсь с тобой даже туда, где звезды не горят, — улыбнулась она. — Ты не должна быть одна.

Мы стояли у перил, продолжая смотреть на медленно гаснущее солнце, которое теперь почти полностью скрылось за горизонтом, оставив после себя лишь багровые отблески на воде. Но в этот момент море вздыбилось. Корабль накренился так сильно, что нас отбросило к надстройкам. Мои ноги едва удерживали равновесие, чтобы не свалиться за борт. Шторм, до этого лишь предупреждавший, ударил в полную силу. Морская вода обрызгала нас с головы до ног. Ветер выл, как дикий зверь, рвущийся на свободу. Он бился о палубу, срывая всё, что не было надёжно закреплено, и заставляя корабль крениться то в одну, то в другую сторону.

— Уходим! — сказала Камила.

Мы направились обратно в каюту, но я почувствовала, как мои ноги теряют опору. Я едва держалась, чтобы не упасть. Камила схватила меня за руку, её пальцы были такими же холодными, как мои. Корабль продолжал качаться, то поднимаясь на гребень волны, то с грохотом опускаясь вниз, как будто падая в бездну.

Когда мы почти добрались до каюты, противостоя стихии, то мой взгляд случайно упал на мужчину, стоявшего в конце коридора. Он стоял абсолютно неподвижно, несмотря на жуткую качку. Его фигура была окутана тенью. Они вокруг него не просто кружились, они буквально вращались в его плоть. Его глаза были пустыми провалами. Мужчина выглядел потеряннным, как

будто его разум был где-то далеко, а тело двигалось лишь по воле теней. Я почувствовала, как холод пробежал по спине, словно невидимая рука коснулась меня, оставляя за собой ощущение ледяной тяжести.

— Анора, идем! — Камила потянула меня за руку, не видя того, на что засмотрелась я.

Мы зашли в каюту, я захлопнула дверь на засов, будто это могло защитить нас от того, что происходило снаружи. Шторм будто только набрал все свою силу. Всё вокруг сотрясалось: стены каюты дрожали, лампы раскачивались, отбрасывая тени, а скрип дерева и металла сливался в один непрерывный гул, напоминающий стон.

— Не знаю, сможем ли мы заснуть, — прошептала я.

Поздней ночью Камила смогла уснуть, несмотря на гул шторма и постоянную качку корабля. Ее дыхание было ровным и спокойным, будто она нашла утешение в своих снах. Я же ворочалась, не в силах найти покой. Когда я на мгновение решила закрыть глаза, то вдруг тишину разорвал крик. Это был вопль, пробравшийся сквозь шторм и заглянувший в пасть самой смерти. Резкий, захлебывающийся, он оборвался так внезапно, что в ушах зазвенело.

— Что это было? — Камила подскочила на постели, её лицо в полумраке казалось восковой маской.

— Не знаю, — тревога сковывала меня.

Я подошла к двери, а затем медленно приоткрыла. Коридор был пуст, но вдалеке, сквозь шум стихии, снова послышался крик. Мы двинулись по коридору, чувствуя, как каждый шаг даётся с трудом из-за качки корабля. За углом клубилась толпа напуганных пассажиров. Люди в ночных сорочках и наспех наброшенных халатах перешептывались, их лица искажал первобытный страх. Из-за угла показался мистер Гленн, он выглядел так, будто сам увидел привидение.

— Что стряслось? — спросил мистер Гленн.

— Вы тоже это слышали? — спросила женщина.

— Может, кто-то пострадал из-за шторма? — предположил мужчина.

Толпа снова начала перешептываться, поднимая новый шум. В этот момент мы увидели матроса. Люди навалились на него с вопросами, их голоса сливались в одну смесь. Вскоре за его спиной показался капитан корабля. Его лицо, изборожденное морщинами и солью, было мертвенно-серым.

— Всем вернуться в каюты! Немедленно! На судне произошло убийство. До прибытия в порт и осмотра констеблями никто не покинет борт.

На лицах людей отразился ужас, который мгновенно скользнула по каждому из них, оставляя после себя лишь бледность и широко раскрытые глаза. Они разбежались по своим каютам, как крысы, почуявшие хищника.

Убийство.

Меня пробила дрожь, которую не мог вызвать ни один сквозняк. Мы заперты в стальной коробке посреди разъяренного моря с тем, кто только что лишил человека жизни. Коридор, ещё минуту назад наполненный гулом голосов, теперь опустел, оставив после себя лишь тяжёлую, гнетущую тишину, нарушаемую только рёвом шторма. Но внутри нас бушевал свой собственный шторм — страх.

Убийство. Сама смерть, холодная и безжалостная, пробралась на борт и теперь скрывается где-то рядом, в тени, наблюдая и выжидая.

Кто был жертвой? Может, тот мужчина? Может, его тени, те самые, что скользили за ним по палубе привели его к гибели?

Вопросы крутились в голове, как штормовые волны, не давая покоя. Но мой дар молчал. Воздух в коридоре теперь пах не просто солью, он пах медью — запахом свежей крови, который не мог смыть никакой шторм. Кто бы ни был убийцей, он всё ещё был здесь.

Глава 6

Хельдар

— Вы видели эту женщину с кем-то из пассажиров? — Констебль протянул фотографию. С глянцевого бумаги на меня смотрела молодая дама. Утонченные черты, во взгляде — тот самый свет, который гаснет последним. Теперь на его месте была лишь пустота.

— Нет, — Камила нервно прикусила губу.

— Ничего подозрительного? — настаивал второй констебель.

Я колебалась. Стоило ли говорить о существах, которых не зафиксирует ни один протокол?

— Я видела мужчину, — мой голос прозвучал сухо. — Он стоял в коридоре напротив нашей каюты. Неподвижно. За несколько часов до того, как всё случилось.

Констебль разложил перед нами снимки подозреваемых. Я без тени сомнения указала на темноволосого человека с мягкими, почти детскими чертами лица. На фото он выглядел безобидно, но я помнила вязкую черноту, которая вытекала из его пор.

— Спасибо, мисс Вакслер. Мы уже задержали подозреваемых. Опросим оставшихся, а вы можете идти.

Мы с сестрой, словно две перепуганные птицы, выпорхнули из душной каюты, едва успев схватить чемоданы. От спёртого воздуха у меня кружилась голова, а лицо приобрело мертвенную бледность. Но едва свежий, пропитанный солью ветер ударил в лицо, оцепенение спало. Я подняла взгляд и замерла. Хельдар.

Имя города ударило в сознании, как погребальный колокол. Из серой мглы проступили очертания порта: высокие мачты на фоне свинцового неба, пронзительные крики чаек, зовущие потерянные души, и высокий, тощий маяк, похожий на монаха, бросающего в белесую мглу дрожащие лучи света.

Это был суровый край сосновых лесов и мертвых скал. Здесь вечная прохлада Северного моря смешивалась с густым, тревожным ароматом алых роз, росших прямо из трещин в каменных оградах. Их лепестки казались свежими каплями крови на сером холсте вечности.

— Я уже забыла, что Хельдар выглядит так, — сказала я.

— Мы ещё не доехали до города, — Камила попыталась рассмеяться, но звук вышел вымученным.

— Все равно ощущение, что я здесь первый раз...

Я лгала себе, говоря, что не помню этого места. Память пробуждалась рывками: узкие улочки, скрип ржавых вывесок, лица, стертые временем. Всё это было затянуто дымкой, которую кто-то намеренно набросил на мое прошлое. Маяк мигал прерывисто, напоминая последние удары сердца, готового остановиться навсегда. Я жаждала поскорее скрыться от этого света в глубине каменных стен и кровавых роз.

— Сумасшествие! — оценщик поправил шляпу, оглядываясь с явным раздражением. — Не думал, что мое прибытие будет обставлено трупами и полицией.

Мне не хотелось думать о произошедшем. В душе что-то шевелилось — не страх, нет. Что-то более острое и безжалостное. Будто невидимый зверь запустил когти прямо в сердце и выскребал оттуда все чувства, оставив лишь пустоту.

Взгляд Чарльза скользнул по морскому контейнеру, откуда только что извлекли его машину — дорогую, блестящую, явно чужеродную в этом заброшенном уголке мира.

— Обрато точно поеду на машине. Думаю, что впечатлений мне достаточно, — заявил он.

Сев в мягкий кожаный салон, мы погрузились в тишину, нарушаемую лишь тихим гулом двигателя. Оценщик развернул карту города — старую, потрёпанную по краям, будто её много

раз складывали и раскладывали. Солнце уже опускалось за горизонт, погружая нас в призрачный сумрак тумана. Лес по сторонам дороги сгущался, сосны стояли, словно безмолвные стражи. Их черные ветви на фоне багровеющего заката, тянулись к машине, словно пытались ухватить нас. А затем впереди в серое небо вонзились шпили Хельдара — острые, как хирургические иглы. Город предстал во всей своей строгой, неумолимой красе. Улочки вились, как змеи, между темными каменными усадьбами в английском стиле. А между ними, в трещинах брусчатки и у подножий старых оград, алели розы — яркие, как брызги свежей крови.

В центре этого величия возвышалась Церковь, как нечто вечное и недоступное, стремясь напомнить о силе невидимого. Готические арки, потемневший камень от времени, витражи, похожие на застывшие слезы света. Она не просто стояла — она наблюдала. Это было сердце города, холодное и властное.

Когда мы доехали до поместья отца, то солнце уже почти скрылось за горизонтом, давая последнюю возможность взглянуть на поместье под его алыми красками. Я вышла из машины и задержала дыхание. В этот миг, внезапно и болезненно, внутри что-то сорвалось. Связь с отцом — тугая, ржавая нить болезненно натянулась и хлестнула в груди. *Это не просто память. Не просто тоска.*

Особняк, увитый плющом, смотрел на нас пустыми окнами, отражая лишь молчание тоски. В саду среди буйной зелени застыли мраморные ангелы. Их лица были полны обреченности, словно они стали свидетелями того, что давно исчезло во мраке прошлого. Лепестки цветов дрожали в холодном вечернем воздухе, напоенном ароматом сырого камня, печали и давно забытых воспоминаний. Время в поместье отца застыло, как вода в замершем пруду.

Внутри дома царил полумрак. Пыльный воздух застрял в горле. Оценщик деловито осматривал первый этаж, а мы следовали за ним, будто были его гостями. Я зажгла свечи, они осветили помещение дрожащими бликами. Центральный холл круглой формы был словно сердцем дома. На полу старинный мозаичный узор. Слева за арочным проходом — столовая. Длинный массивный стол был покрыт расшитой скатертью, которая стояла под тяжелыми канделябрами. Из глубины памяти всплыло теплое воспоминание: отец учил меня печь блины, а я расплескивала тесто по всему деревянному гарнитуру. В гостиной у каминов стояли высокие кресла с разными подлокотниками. Полки наполненные старинными книгами, тянулись вдоль стен. Здесь когда-то звучала музыка и наш детский смех. Гленн внимательно осматривал стены и мебель, что-то записывая в свою тетрадь с хрустящими страницами. А я, стоя в этом живом музее памяти, пыталась вытянуть из глубин сознания лица и голоса.

— Предлагаю завтра днем осмотреть второй этаж и двор, — его голос разрезал тоскливую тишину. — Думаю, дом можно продать за дорого.

Я махнула головой, словно отгоняя слова, которые не хотела слышать. Мы поднялись наверх по скрипучей лестнице, её перила были отполированы тысячами прикосновений. Здесь, на втором этаже, располагались спальни, кабинет и небольшая библиотека — крыло, где хранилось больше мыслей, чем голосов. Сестра молча отправилась готовить спальные места, а я, как будто ведомая неосознанным зовом, свернула в кабинет отца.

Воздух здесь был густым, как застоявшееся вино. Он был напитан запахом бумаги, чернил и дубовой пыли. А письменный стол стоял так, словно ждал хозяина, который так и не вернулся. Отец часто здесь проводил часы, склоненный и нахмуренный над книгами с рукописями.

Я подошла ближе и похолодела. На столе лежал раскрытый дневник. Тонкие страницы хранили неровный почерк — будто мысли вырывались быстрее, чем рука могла успеть за ними. Внутри меня все сжалось, а руки предательски задрожали. Я осторожно взяла дневник, как реликвию и пролиставла пожелтевшие страницы. Но я не понимала ни слова. Это был не просто другой язык — это были символы, изгибающиеся, как корни деревьев, сплетенную в невоз-

можную вязь. Всё выглядело так, словно писал человек, чье сознание балансировало на грани между откровением и безумием.

Но вдруг, посреди этой бури букв, мой взгляд зацепился за фразу на английском. Почерк стал более сдержанным, почти осмысленным:

«Когда алая луна взойдет последний раз, мир забудет, как звучит тишина. Я чувствую её приближение, она говорит со мной. Не словами, а дыханием, тенями и снами. В ней нет света, но и тьма рядом с ней меркнет».

Листы бумаги будто обожгли пальцы. Строки дрожали, как отражение в воде. *Что это значило? Ох! Мой отец! Что же произошло с тобой? Неужели ты был на грани безумия?*

— Пойдешь спать? — в дверях появилась Камила. Заметив дневник в моих руках, она помрачнела. — Отец часто бредил чем-то. Исписывал всё странными символами и говорил, что-то про эту алую луну...

— Что говорил? — мой голос задрожал.

— Анора, не ищи в этом безумии смысл, — она взяла дневник с осторожностью, будто в нем ещё тлело то, от чего она давно отвернулась.

— Камила, мне важно разобраться в его болезни...

Сестра закусила губу. Пауза повисала тяжелой тенью.

— Он повторял — «Когда луна заговорит со мной в последний раз, я уйду к ней. Это не безумие, это судьба». Он часто это говорил, поэтому запомнила.

Я вздохнула. *Отец действительно был безумен?* Все это не укладывалось в голове. *Почему я ничего не могла вспомнить?*

— Мы думали, это просто форма его болезни. Способ попрощаться, завернув свое безумие в поэзию, — добавила сестра, глядя в окно, где стальная луна пряталась за тучами.

Мы стояли в тишине, смотря в окно. Лунный блеск заполнял комнату.

— Пойдем спать. Нам нужно отдохнуть, а завтра всё вместе осмотрим, — сказала она тихо, но настойчиво.

Мне необходимо было разобраться в болезни или в даре отца. Если разберусь в нем, то смогу и понять себя.

Либо мы наделяны свыше чем-то немислимым, либо больны и меня ждёт такое же безумие.

Ночь спустилась на поместье, как тяжёлая бархатная вуаль. Дом затих, погрузившись в вязкую полудрёму. А часы больше не осмеливались отсчитывать время. Я лежала в постели, сон крался медленно, осторожно, как дикий зверь, и в какой-то момент просто поглотил меня.

Тьма. Безвременье.

И вдруг — свет.

Алая луна вспыхнула в небесах, словно глаз, прорезавший плоть ночи. Она не была похожа на бледную спутницу земли, нет, это было нечто иное, чужеродное и пульсирующее зловещим светом. Багровая луна, будто капля крови, не просто висела в небе — она взирала. Под ногами была лишь бескрайняя гладь чёрной воды, похожая на небесную бездну, куда одна за другой падали и исчезали звёзды. В воздухе витал сладковатый запах, смешанный со ржавчиной. Словно засахаренные лепестки роз на раскаленном клинке. Я не могла объяснить этот странный аромат.

Сны не пахнут...

Я услышала глухой, мерный стук. Словно кто-то бился изнутри о тонкую пленку между сном и явью. Стук становился всё громче. Всё настойчивее. Пока наконец не разорвал хрупкую завесу между мирами. Я проснулась с криком, жадно хватая ртом воздух. Лунный свет заливал пол комнаты тонкой полоской, проскальзывая через окно. Но он был обычным — серебристым, тусклым. Сердце бешено колотилось, будто знало: это был не просто сон. Это было начало чего-то необъяснимого.

Глава 7

Те, кто возвращаются, приносят вопросы

Тихим, призрачным утром, когда солнце еще только пробовало на вкус холодный горизонт, я вышла в старый сад. Здесь время замедляло свой бег, а воздух был напоен терпким ароматом опавшей листвы. В центре, под сенью векового дуба, стоял небольшой кофейный столик, покрытый мхом. Он будто ждал этого момента, этой встречи, чтобы я расположилась за ним.

Ветер, пронизывающий до костей, швырял мне в лицо горсти сухой листвы. Я куталась в шерстяной плед, чувствуя, как осенняя сырость пробирается под кожу. Горячий кофе обжигал губы, его тепло согревало не только пальцы, сжимающие чашку, но и что-то глубоко внутри. Отодвинув в сторону пустые мысли, я взяла коробку с личными вещами отца: пожелтевшие фотографии, потрепанные записки, безделушки, лишённые ценности для постороннего глаза, но бесценные для меня. И пока сад шептал мне что-то на языке опавших листьев, а кофе постепенно остывал, я медленно и бережно погружалась в эти обрывки чужой, но такой близкой жизни.

Мой взгляд долго блуждал по семейной фотографии: это был день рождения Камилы. Она радостно задувала свечи на торте, отец держал воздушные шары, а я ещё младенец, куталась у мамы в руках. Возможно, именно в такие моменты прошлое перестает быть просто тенью. Оно становится осязаемым, теплым, как этот плед и горьким, как кофе.

Мне вчера снилась луна? Или это лишь тревога, разлитая в крови, играющая с сознанием, как ветер с пепелом угасшего костра. А может, это начало безумия — тихого, медленного, как лунный свет, просачивающийся сквозь щели реальности? Или это нечто большее? Я пыталась за что-то ухватиться, но передо мной был лишь мираж — расплывчатый, зыбкий, словно отражение в черной воде.

— Нашла что-нибудь? — сестра поставила передо мной ещё одну коробку.

— Нет, — я отложила фотографии.

— Хочешь прогуляться? — Камила опустила руки на мои плечи. — Его близкий друг прислал нам извещение об его смерти. Думаю, что он сможет ответить на многие вопросы.

Я махнула головой. Когда собралась и надела пальто потеплее, то мы вышли из дома. Камила шла рядом, но молчание между нами было густым, как предрассветный туман. Ей было тяжелее. Она помнила больше меня. А память — это груз, который не сбросишь с плеч, как лишнюю одежду.

Город встретил нас гнетущим безмолвием. Узкие улочки, вымощенные брусчаткой, хранили в своих изгибах лишь эхо наших шагов. Из пекарни, затерянной в лабиринте переулков, тянуло сладковатым свежим хлебом — теплым, домашним, почти неуместным в этой тишине. Казалось, сам воздух застыл, замороженный собственным безмолвием.

Тревожное спокойствие. Затихье перед тем, как прошлое наконец догонит нас.

Мы замерли перед церковью, потемневшей от бесчисленных дождей и молитв. Кованые ворота были приоткрыты, приглашая войти внутрь. Камила, не колеблясь, шагнула вперед, ее фигура растворилась в арке, оплетенной плющом. Его листья, темные и плотные, шевелились на ветру. А между ним розы. Алые, почти кровавые бутоны цеплялись за железные прутья. Они казались чужими здесь, как всплеск жизни в месте, где время застыло.

— Зачем нам в церковь? — я застыла, не решаясь переступить порог.

— Близкий друг отца — пастор.

Солнце, редкое и драгоценное в этот осенний день, коснулось шпилей — и они вспыхнули, как зажжённые свечи. Казалось, само небо протягивало тонкие нити света, чтобы проводить нас внутрь. Я сделала шаг, и каменные плиты под ногами, отполированные веками, встре-

тили меня прохладой. Воздух внутри был пропитан ладаном, его сладковато-горький аромат обволакивал. В высоких сводах застыло эхо наших шагов, а редкие солнечные лучи, пробивающиеся сквозь витражи, рисовали на полу узоры из пыли и света. Где-то в глубине храма зазвучал тихий, почти неуловимый звон — будто кадило ещё хранило в себе отголоски давно отслуженной службы.

— Пастор? — тихо позвала Камила, её слова ударились громким эхом.

Пастор медленно вышел из-за алтаря. Он будто не ступал, а плыл сквозь полумрак. Лицо его было бледным, почти восковым в мерцающем свете свечей.

— Что привело вас в Дом Божий, дети мои?

— Приветствую, пастор, — Камила слегка поклонилась. — Я Камила Вакслер, а это моя сестра Анора.

— Вакслер! — произнес он фамилию с тревогой. — Пусть бог будет с вами в этот трудный час.

— Благодарим, пастор. Мы пришли к вам, как к другу нашего отца...

— Я молюсь каждый день за него, зная, что мои молитвы будут услышаны. И вы, дети мои, молитесь за него.

— Пастор, чем болел наш отец? Почему его болезнь была неизлечима? — подала я голос. — Простите, что сразу пришли к вам в лоб с вопросами. Но мы здесь именно за этим.

Тишина, воцарившаяся после моих слов, стала осязаемой. Его взгляд метался по залу, избегая наших глаз. Он провёл ладонью по грубой ткани рясы; его пальцы едва заметно дрожали, будто это простое движение помогало ему удержать внутреннее волнение под покровом внешнего спокойствия.

— Вы считаете, что ваш отец был болен? — его слова повисли в пространстве, обретая странный, почти зловещий оттенок.

— Что вы хотите сказать? — мой голос прозвучал чужим, слишком громким в этой давящей тишине.

Он вздохнул, и его взгляд ускользнул куда-то за мою спину, будто он видел там не пустые скамьи, а что-то недоступное нам.

— Ваш отец... — начал он осторожно, подбирая слова, — не был болен в обычном смысле. Недуг, который его терзал, не лечится ни лекарствами, ни молитвами.

— О чем вы? — прошептала сестра.

Пастор наклонился к нам, и в его глазах мелькнуло что-то неуловимое — то ли страх, то ли жалость.

— Иногда, — сказал он тихо, — душа человека становится домом для чего-то... чужого. И тогда даже Господь не всегда может помочь.

Тень от высоких витражей легла на пол, вытягиваясь, как пальцы, готовые схватить нас за ноги. И в этот момент тишину храма разорвал звук шагов, будто кто-то не спеша отсчитывал последние секунды нашего спокойствия. Они глухо отдавались в каменных сводах, смешиваясь с тихим шорохом пламени в лампадах. Но я не оборачивалась. Всё мое существо было приковано к пастору, к его бледным губам, которые, казалось, вот-вот произнесут слова, способные перевернуть нашу жизнь.

— Не морочь этим леди головы своими сказками, пастор.

Голос ударил, как хлыст. Я обернулась и замерла. Мое тело отреагировало раньше сознания: мурашки пробежали по спине, а пальцы непроизвольно вцепились в складки платья. Николас Морэль. Он стоял в луче пыльного света, пробивавшегося через витраж, и этот кровавый отсвет лег на его лицо, превращая его в маску демонической красоты. В его осанке чувствовалась почти неоспоримая сила, будто он входил в любое пространство уже с правом владеть им. Сердце на мгновение замерло, пропустив лишь два удара — слишком быстрых, слишком громких в этой гробовой тишине.

Что он здесь делает?

Николас медленно снимал кожаные перчатки, палец за пальцем, обнажая бледные руки. Каждое движение было отточенным, словно он давал мне время рассмотреть шрамы на ладонях, которые я не заметила в прошлый раз. Его синие глаза, как штормовое небо — накрыли меня целиком, лишив дара речи. В них была бездонная глубина, в которой тонули неосторожные души.

— Брат Николас, — пастор побледнел. — Вы не предупреждали о приезде.

Николас улыбнулся. Не глазами — только губами.

— А разве я должен отчитываться перед тобой? — каждое его слово было лезвием.

Он бросил перчатки на скамью, где они легли, как сброшенная змеиная кожа.

— Тебе задают вопросы, пастор, а ты заливаешь им уши о своем боге.

Пастор побледнел так, что его лицо почти слилось с белым воротником рясы. Пальцы вцепились в нагрудный крест с такой силой, что тонкая цепочка впилась в кожу, оставляя красные отметины. Костяшки напряглись, будто пытаясь удержать веру, достоинство или последние остатки власти в этом месте.

— Они пришли за правдой, — Николас сделал шаг вперед. Его резкая тень легла на пол, дотянувшись до ног пастора. — А не за твоими благочестивыми сказками.

Тишина в церкви стала густой, как смола. Даже воздух застыл, не решаясь нарушить этот момент, когда стало ясно, кто здесь на самом деле держит ключи от истины. Дымный аромат, тянувшийся за Николасом тонким шлейфом, мягко обвил меня, словно невидимая пелена. В нём переплетались ноты горьковатой розы и томного ладана, напоминающего полумрак и медленно тлеющие благовонии. Но среди этой тяжёлой сладости пряталось что-то иное — холодное, почти металлическое. Оно напоминало привкус крови на языке. Эта странная нота придавала аромату опасную глубину, делая его не просто притягательным, а почти гипнотическим.

— Брат Николас, я лишь пытаюсь донести, что их молитвы будут услышаны, где бы не был сейчас их отец.

— Пастор, ты свободен, — Николас шелкнул пальцами, и звук эхом разлетелся под сводами. — Эти души теперь под моей опекой. Ступай молиться.

Николас не был похож на духовника. В нем не было смирения. В том, как он смотрел на пастора с ленивым, отточенным презрением — чувствовалась власть, стоящая выше церковных санов. Николас стоял, нарушая саму геометрию этого святого места — слишком уверенно, слишком вызывающе. Настоящие служители алтаря склоняют головы, говорят тише, шагают осторожнее. Его пальцы, украшенные серебряными перстнями, постукивали по спинке скамьи, будто отсчитывая секунды до того, когда этот жалкий диалог наконец закончится.

Что он за помощник, если не подчиняется этим священным правилам?

Николас не был ни служителем, ни верующим. Он был тем, кто позволил церкви терпеть его присутствие. И теперь вопрос был только один — *почему?*

— Брат Николас, — его голос дрогнул, — здесь не место для...

— Для чего? — Николас резко перебил его, приподняв бровь. — Для правды? Или, может, для вопросов, на которых у тебя нет ответов?

— Хорошо, брат Николас, я оставляю вас.

Как только тяжелые двери за пастором закрылись с глухим стуком, Николас преобразился. Его осанка, прежде напоминающая стальную пружину, внезапно обрела непринужденную грацию. Черты лица, только что искаженные презрительной гримасой, смягчились, будто кто-то стер резкие линии карандашного наброска, оставив лишь эскиз утонченной любезности.

— Снова приветствую вас, мисс Анора, — он отвесил легкий, почтительный поклон. Его голос теперь напоминал бархат, скрывающий сталь. — Прошу простить за эту сцену.

— Я поражена встретить вас здесь, мистер Морэль, — мой голос задрожал.

Его губы дрогнули в улыбке, обнажив идеальные зубы — слишком белые, слишком ровные. Он слегка наклонил голову, и луч света, пробившийся сквозь витражное стекло, заиграл в его темных волосах.

— Мисс Вакслер, самые интересные люди всегда скрываются в самых неожиданных местах.

Его слова повисли в воздухе, словно паутина, в которой легко запутаться.

— Но вы не столько удивлены нашей встречи здесь, — заметила я.

— Удивлен не меньше вас. Но признаться, я должен был догадаться ещё в Лондоне, что вы — дочь Абрама.

— Вы знали нашего отца? — выдохнула я. — Выходит, что вы здесь живете...

Это выглядело, как тонкий надлом в ткани привычного порядка: будто судьба на мгновение утратила осторожность и позволила двум линиям пересечься там, где им не было предназначено встретиться. Я ловила себя на странном ощущении, словно за этим стояло нечто большее, чем простое стечение обстоятельств, но достаточно слабое, чтобы его можно было назвать пророчеством.

— Я расскажу вам всё, что пожелаете, — он на мгновение коснулся перстня с темным камнем на своем пальце. — Но не здесь. Стены этого дома имеют уши, и не все они принадлежат ангелам.

— Приходите к нам на ужин сегодня, — неожиданно выпалила Камила.

— Благодарю за приглашение и с радостью его приму.

В этот момент я поняла: мы только что открыли дверь в прошлое, и теперь оставалось лишь гадать — какие тени войдут в нее вместе с этим загадочным человеком.

Глава 8

Чужой среди святых

— Всё осмотрел, — мистер Гленн захлопнул записную книжку с сухим стуком, похожим на выстрел. — В Лондоне я подготовлю бумаги. Как только подпишете, начнем искать покупателей. Этот дом — редкий лот.

— Спасибо, мистер Гленн, — я спустилась с библиотечной лестницы, отряхивая пыль с пальцев. — Но я всё еще не уверена, что готова расстаться с этим местом.

— Время — ваш союзник, мисс Анора. Не спешите. И спасибо за приют, — он вежливо поклонился.

— Вы уверены, что хотите сегодня уехать? Уже темнеет, — Камила посмотрела в окно, где солнце, выглядывая из под хмурых облаков, готовилось передать права луне, которая нетерпеливо ждала своего часа. — Можете остаться ещё на одну ночь, а утром отправитесь.

— Вы весьма любезны и я ценю ваше гостеприимство, но утром меня ждут важные дела, что не терпят отсрочки.

Мы проводили его до дверей. Машина оценщика рыкнула двигателем и исчезла в тумане, который облизывал колеса, словно голодный зверь. Деревья вдоль дороги смыкались за ним, возвращая помещью его привычное, глухое одиночество. Дом снова погрузился в глубокую тишину. Камила оправилась на кухню, чтобы приготовить ужин для нашего долгожданного гостя. А я принялась наводить порядок. Пальцы касались пыли на мебели, перебирали старые отцовские вещи. Когда в руках оказывались наши детские игрушки, я застывала, как капля воды, замёрзшая в полёте. В них был отблеск тех лет, когда мы ещё не знали, что в ночи, помимо звёзд, скрывается что-то большее. Я знала, что должна пойти на кладбище. Посмотреть в глаза камню, под которым лежал отец. Навестить того, кто ушёл, оставив после себя не только воспоминания, но и тайны. Но я не решалась. Словно часть меня всё ещё ждала, что он вернётся. Не из земли, а из тени.

Вскоре по дому поплыл аромат говядины по-бургундски — густой и пряный, с нотками тимьяна. Я почти невольно потянулась за этим аппетитным зовом, как за невидимой нитью. Камила сервировала стол с пугающей торжественностью. Белоснежный лен скатерти, фамильное серебро и резные бокалы. В центре стола в вазе адели розы — те самые, Хельдарские, похожие на застывшие брызги крови.

— У нас на ужин говядина по-бургундски? — я подошла ближе и невольно вдохнула аромат, будто это могло утолить мой голод.

— И овощной салат, — она расставляла приборы с церемониальной точностью.

— Я бы накинулась на это прямо сейчас. Пахнет божественно!

— Ещё в подвале отыскала вино, — она покрутила бутылку в руках. — Но служители, наверное, не пьют. А мясо сегодня можно? Нет никакого поста? — заволновалась она.

— Разве он похож на служителя? — я приподняла бровь.

— А кто он по-твоему?

— Я не уверена, что он привычный нам служитель.

— Можно расспросить про его деятельность за ужином. Это же не грубо? Разговор за ужином об этом вполне уместен.

Я заметила, как Камила мнет складки своего темно-бордового платья, с кружевными манжетами, того самого, что она надевала лишь по особым случаям. Ее пальцы, обычно такие уверенные, нервно теребили шелковый бант, перевязывающий ее волосы. А взгляд то и дело скользил к дверям, пока она поправляла уже безупречно лежащие столовые приборы.

— Нам сильно повезло, что нашелся человек, который может нам помочь, — заявила я. — От пастора мы вряд ли бы чего-то добились кроме проповедей.

— А где вы с ним познакомились?

— На мероприятии издательства. Он близкий друг Лайла. Я не думала, что снова его увижу, а особенно в Хельдаре. — ответила я. — Камила, ты волнуешься? — я заметила, что дрожь в ее пальцах усилилась.

Она замерла, будто пойманная на чем-то запретном, а затем резко отвернулась к столу, где стояли хрустальные бокалы, отполированные до зеркального блеска.

— Я просто хочу, чтобы всё было пристойно, — Камила ещё раз поправила приборы. — А предстоящий разговор об отце не приносит спокойствия.

И когда в дверь наконец постучали, Камила резко вздрогнула, а пальцы на мгновение вцепились в край скатерти. Затем она заставила себя выпрямиться и встретить гостя. Николас Морэль вошел неспешно. Темно-синие глаза блестели холодной искрой, словно тонкий лед под лунным светом. Его чёрный плащ был влажным от мороси, а в руках он держал бутылку вина. От него пахло дождем, озоном и древесной горечью, будто он шел через лес, где листва уже давно начала преть.

— Позвольте, — прошептала Камила, принимая его плащ. Её голос дрогнул, став мягким и тягучим, как мед.

— Благодарю, — Николас едва коснулся её ладони, передавая вино, но этого короткого контакта хватило, чтобы щеки сестры вспыхнули.

Он прошел в гостиную, игнорируя накрытый стол, и остановил взгляд на мне. Его синие глаза в свете свечей казались черными провалами.

— Еще раз приветствую вас, — он слегка поклонился.

— Мистер Морэль, а вы не приберегаете вином? — Камила поставила подаренную бутылку на стол.

— Нет, я с радостью выпью с вами бокал, — он сел рядом со мной.

— А мне казалось, что священники пренебрегают алкоголем, — заявила я.

— А разве я упоминал, что являюсь священником? — его губы искривились в улыбке, медленной, как раскрывающийся нож. — Давайте помогу, — он ловко подхватил бутылку, которую Камила безуспешно пыталась открыть. Его пальцы обхватили горлышко и пробка вышла с тихим хлопком, будто подчиняясь его воле. Бордовое вино полилось в бокалы, густое, как старая кровь.

— Но вы упомянули, что вы помощник и духовник, — мой голос прозвучал четче, чем я ожидала. — Разве помощников не касаются все правила?

Его взгляд накрыл меня, внезапно. Спокойный, но с холодной искрой негодования. Будто я наступила на запретную территорию, нарушила негласный договор.

— Правила, мисс Вакслер, пишутся для тех, кто нуждается в указаниях, — он медленно вращал бокал между пальцев. Кристальный хрусталь ловил дрожащий свет свечей, разливая по скатерти кровавые блики. — Но разве истинная вера нуждается в инструкциях?

В столовой повисла натянутая тишина. Мне показалось, что его глаза прожигают во мне ощутимую дыру.

— Мистер Морэль, расскажите о своей деятельности в церкви. Уж очень любопытно. Но сначала отведайте говядины, — тихо прозвучала сестра.

— Так или иначе все служители нуждаются в указаниях бога, чтобы поддерживать с ним божественную связь, — ответила я.

Пальцы Николаса замерли на ручке ножа. Ответом стал резкий, почти оскорбительный смешок, разорвавший атмосферу.

— Не нужны никакие указания, чтобы поддерживать связь с богом. Это все несущественная чушь, которые придумали фанатики религии, — его губы искривились в гримасе, напоминающей оскал. — Истинная связь с божественным, это когда ты стоишь перед Ним не на коле-

нях, а смотришь Ему в глаза. Как равный. Связь с божественным — это не заученные молитвы и не слепое следование догмам.

Его глаза, потемневшие до черноты в полумраке столовой, сверкнули чем-то ужасающим. В камине с треском прогорело полено, погружая ужин снова в густую и вязкую тишину. Николас сейчас каждым своим словом сеял за собой странное подозрение. Но при этом притягивал, как пропасть, где стоишь на краю и чувствуешь, как тело само тянется заглянуть вниз, в темноту, где нет дна.

— Ваше мировоззрение очень интересное, мистер Морэль, — ответила сестра. — Оно отзывается во мне.

— Да, ваши слова имеют место быть здесь, — добавила я. — Но что же вы забыли в церкви с вашим видением? Мы не ходим в церковь, потому что знаем, что Бога нельзя запереть в этих четырех стенах. А что насчет вас?

— Согласен, это кощунство пытаться ограничить бесконечность, — улыбнулся он мягче. — Я не служу церкви. Я — спутник, которого терпят рядом, потому что иногда он знает дорогу в темноте лучше, чем те, кто несут факел.

— А если быть точнее, мистер Морэль? — мне надоело томиться в этих тенях загадки.

— Ваш отец не был ни болен, ни проклят, — резко он заявил, его голос прозвучал подобно удару хлыста. — У него была особая миссия, которой он посвятил свою жизнь. Это можно назвать особым даром. Он отличался от других людей. Видел то, чего не замечали другие. Знал то, что было закрыто для других. Он пришел в этот мир с особой целью. Абрам — часть замысла.

Николас замолчал, будто давая нам осознать тяжесть этих слов. В комнате стало так тихо, что слышалось лишь потрескивание огня в камине и учащенное дыхание Камилы. Она замерла с вилок в руке, ее губы слегка приоткрылись.

— Считайте, что наша история с Абрамом схожа. Я выполняю лишь свою миссию. Помогаю своим особым даром.

— Какого замысла? — робко спросила сестра. — Совсем ничего не понимаю.

— Это, мисс Вакслер, уже совсем другая история. — Он поднял бокал, и вино в нем казалось теперь слишком темным, почти черным в этом свете. — И, боюсь, вы пока не готовы ее услышать.

— Мы именно за этим и приехали сюда, — уверенно я отрезала.

— Вы тоже видите то, что видел наш отец? — удивилась сестра, ведь была уверена, что отца поглотила непоправимая болезнь.

Тишина.

Потрескивание свечей.

Глухой удар где-то в старом доме — то ли сквозняк захлопнул дверь, то ли что-то пошевелилось.

— Я вижу даже больше, — улыбнулся он.

Глава 9

Вестники Разрушения

Николас отложил приборы с неестественной точностью. Серебро мягко звякнуло о фарфор, и этот звук в наступившей тишине показался оглушительным.

— Считайте меня странным, — его голос внезапно потерял всю светскую легкость, став тяжелым, как свинец, — Но я скажу правду. Ваше дело — верить или нет. Я замерла, чувствуя, как кусок мяса застревает в горле. Николас наблюдал за мной не глазами, а всем своим существом, будто видел не только мои движения, но и мысли, которые метались в голове.

Неужели он такой же? Неужели этот дар перешел и мне от отца?

Камила нервно поправила бант в волосах. Она была здесь лишней, хрупким свидетелем бури, которую не могла осознать. Я не хотела говорить о себе при ней — не сейчас, не после всего, что она пережила.

— В какой-то степени Абрам и правда сошел с ума, — продолжил Николас, и его глаза стали стеклянно-пустыми, словно он смотрел куда-то сквозь нас. — Он не выдержал того, что упало на его плечи. Не смог контролировать свои силы, чутье и видения. Хельдар всё это обострял до болезненной тонкости. Хельдар особенная земля. Абрам попытался выполнить свое предназначение и остановить угрозу. Но луна и тьма сломали его изнутри.

— Особенная земля? — переспросила я, с трудом узнавая свой собственный голос. — О какой угрозе идет речь? Прошу вас, мистер Морэль, будьте предельно точны. Речь идет о чести и жизни моего отца.

Николас на миг замолчал. Его взгляд метнулся к свечам, задерживаясь на пляшущих тенях, будто он советовался с ними.

— Думаю, — медленно произнес он, — нам лучше прерваться. Вам нужно время, чтобы переварить услышанное. Иначе каждое мое следующее слово будет звучать для вас как бред безумца. Даже если оно — единственная истина в этом мире.

— Не томите меня, — я почти задохнулась от напряжения. — Каким бы страшным ни был финал этого разговора, я хочу видеть ясную картину.

Он поднял на меня долгий и внимательный взгляд. В нём не было ни капли спешки и любопытства, лишь сосредоточенная оценка, холодная и беспристрастная. Так смотрят врачи, которые определяют, сможет ли пациент пережить операцию без наркоза.

— Я не хочу томить вас, Анора, — мягко сказал он. — Просто правда способна безвозвратно изменить ваше восприятие мира. Не каждый готов проснуться в кошмаре, который не закончится с рассветом.

— Я вынесу любую правду, — отрезала я, гордо вскинув подбородок. — Уж поверьте, я видела достаточно, чтобы перестать бояться.

— А ваша сестра? — он коротко взглянул на Камилу.

— Во мне вы тоже можете быть уверены, — её голос дрогнул, но в глазах вспыхнуло упрямство.

По лицу Николаса пробежала тень. Он отвёл взгляд, будто позволил воспоминанию пройти сквозь себя и исчезнуть, не оставляя следов. Когда он заговорил снова, его слова упали, как тяжелые камни:

— Хельдар — это не просто точка на карте, — начал он. — Это разлом. Трещина между мирами. Таких мест несколько, они разбросаны по лику земли, словно гноящиеся отметины. Они возникли в тот миг, когда впервые вошла Алая Луна. Не как небесное тело, а как Печать, — его в взгляд скользнул в темноту за окном. — С тех пор у этих разломов начали рождаться дети. Не проклятые и не благословлённые, но иные. Они видели то, что скрыто в темноте, чувствовали там, где было пусто. Мир отзывался в них иначе.

Я затаила дыхание, боясь спугнуть это откровение.

— Они слышали зов Алой Луны, — сказал Николас. — И не все могли его вынести. Большинство ломались: разумом, телом, сердцем. Но были и те, чья душа обладала редкой прочностью. Тьма не разрушала их сразу, не пожирала изнутри. Она задерживалась. Испытывала на износ, — он снова посмотрел на меня пристально, невыносимо глубоко. — Их называли вестниками. Они не выбирали свой путь и не могли от него отказаться. Они — мосты между нашей явью и тем, что лежит по ту сторону. Между человечеством и тем, что никогда не должно было его касаться.

— Вестники... — прошептала я, и это слово отозвалось во мне знакомой, ноющей болью. — Мой отец... он был одним из них?

— Да. Вестник Луны. Она сообщает, когда цикл мира близится к завершению, к великому разрушению. Миссия Вестника — чувствовать, когда Алая Луна начинает говорить. Когда её свет перестает быть просто светом и становится осязаемым зовом. Предупреждением, что конец близок.

— Что? — Камила побледнела, её глаза испуганно метались по лицу Николаса. — Я... я не могу в это поверить. Скажите, что это всего лишь плохая шутка.

Разум отчаянно возводил баррикады логики, но моё нутро уже приняло эту правду. Кровь в жилах начала закипать от пугающего узнавания и той самой правды, которая слишком долго была заперта, заглушена страхом и молчанием. Если Морэль прав, то вся моя жизнь, все мои странные видения и обостренное обоняние никогда не были случайностью.

— Вестники всегда видели луну, — продолжал Николас, и в его голосе зазвучали пророческие нотки. — Она предупреждает о грядущем конце. С каждым её полнолунием разлом ослабевает, а тени с той стороны становятся сильнее, обретая плоть. Когда Алая Луна взойдет в последний раз, наступит момент, когда миры окончательно сольются, и человечество будет поглощено. Они поглотят всё. И тогда не останется ни дня, ни ночи, ни времени. Лишь вечное распадение, — он откинулся на спинку кресла и сделал глоток вина. — Алая луна служит мостом между жизнью и смертью, между этим миром и другим, между временем и вечностью. И она готовится завершить свой цикл.

В моих мыслях бушевала буря. Всепоглощающее смятение, словно сама реальность хрустнула, как старое зеркало, отразившее не моё лицо, а иную судьбу.

Мир на грани разрушения... Звучало как настоящее безумие. Как строки пророческой книги, которым суждено было остаться лишь страшным мифом. *Но отчего же всё это казалось таким настоящим?*

Мой отец все знал. Его приступы, его внезапное отрешение от мира — всё оказалось не следствием безумия, а следствием бремени. *Неужели я тоже Вестница?* Это слово звучало внутри так, будто кто-то вложил его в самое сердце и дернул за невидимую нить. Я вижу тени, этих существ: разложившихся, пронзающих, мерзких до дрожи. Слышу запахи людей от самых приятных до зловонных...

А вчера я видела её.

Алую Луну.

Кроваво-красную, пульсирующую, словно живая.

Она не говорила со мной — она наблюдала и выжидала.

Если есть вестники разрушения... Разве это не значит, что в них есть и сила остановить всё? Если луна предупреждает о грядущем конце, значит, она жаждет, чтобы кто-то услышал.

Я чувствовала, что должна поговорить с Морэлем о некоторых вещах исключительно наедине. Камила была слишком хрупкой для этого диалога.

— Мистер Морэль, — мой голос обрел твердость, — откуда взялась эта Луна? Должен же быть способ разорвать этот цикл?

Николас медленно поднял глаза, и в их синеве отразилась сама бездна ночного неба.

— Её породили грехи мира, — Он горько усмехнулся, и тень легла на его острые скулы. — Способ, чтобы всё остановить нам неведом. Ваш отец до последнего часа пытался перевести священную Книгу Апокалипсиса, надеясь найти в ней ключ. Ответ ушел вместе с ним в холодную землю.

— Почему он молчал... — Камила сжала вилку так, что костяшки побелели. — Почему позволил нам считать, что его поглотило безумие болезни?

— Я не могу ответить за него, — Николас задумчиво прокрутил бокал. — Может, он хотел уберечь вас от этого знания. А может, он пытался говорить, но правда в ушах обычного человека всегда звучит как бред. Кто знает?

— Поклянитесь, что вы не солгали ни в едином своем слове, — сестра накрыла лицо ладонями. — Потому что я не могу так просто в это поверить...

— А где остальные вестники? — спросила я.

— Вестников осталось совсем немного. Тех, кто способен противостоять тьме, можно пересчитать по пальцам. И мне нужно найти одного... особенного, — он бросил на меня пронзительный взгляд.

— Вы сказали, что у вас тоже дар. Значит, и вы вестник? — Я пыталась противостоять его твердому взгляду, от которого кровь застывала прямо в жилах.

— Да. — На его лице заиграла едва заметная, хищная ухмылка, подчеркнутая тонкий шрам у брови. — Теперь, когда маски сброшены, скажу: я использую свой дар, чтобы помогать церкви уничтожать скверну. Я вытравливаю тени прямо из человеческих душ во время исповедей.

Я резко подняла взгляд. Его поза была расслабленной, почти небрежной, словно он позволял себе роскошь кажущегося спокойствия. Но это было обманчиво. В каждом движении, в каждом взгляде чувствовалась скрытая сила, которая не нуждается в демонстрации. Морэль словно хищник, притворяющийся спящим: внешне безучастный, лениво наблюдающий за миром сквозь полуопущенные веки, но готовый в любой миг рвануться вперед. И в этом сочетании показной беспечности и глубинной опасности было что-то завораживающее, почти гипнотическое.

— Значит, вы родились здесь, у Разлома? — я посмотрела на остывший ужин. — Вы — один из Вестников?

Николас медленно вычертил на скатерти сложный невидимый узор.

— Да. Я разъезжаю по разным странам, но всегда возвращаюсь в Хельдар. Только здесь я могу напитаться силой, которая необходима для моей жатвы.

— Как давно вы знали моего отца?

— С моей юности. Но мы никогда не были близки. Каждый из нас варился в собственном аду. Он был поглощен Книгой, поиском смыслов. А на мне... — он усмехнулся без тени веселья, — на мне были чужие грехи.

Разговор постепенно перешел в более спокойное русло, но слова Николаса продолжали гудеть в моих висках, как навязчивый звон колокола после службы. Он с пугающей легкостью переключился на светскую беседу, рассказывая Камиле о редких изданиях Данте, которые приобрел в Париже. Его голос лился плавно, обволакивая, но его взгляд то и дело возвращался ко мне, задерживаясь на долю секунды дольше, чем позволяли приличия.

Когда ночь за окнами окончательно вступила в свои права и время стало тягучим, Морэль неспешно поднялся. В каждом его движении чувствовалась сдержанная неторопливость, словно он не уходил, а лишь делал шаг в сторону, оставляя за собой незримую нить.

Его взгляд остановился на мне — пристальный до дрожи, глубокий до неизвестности и внимательный до тревоги. В нём не было прямого прощания, но было что-то иное: недосказанность, намёк, тень вопроса, который так и не был произнесён вслух. Казалось, он ждал, что

я сама уловлю смысл этого взгляда, что между строк нашего молчания прозвучит решение, к которому мы оба боялись прикоснуться словами.

— Позвольте проводить вас, мистер Морэль, — я поднялась, чувствуя, как внутри всё сжимается.

Его силуэт вырезался на фоне бледного, почти больного лунного света — высокий, безупречно гордый, словно сама тьма придавала ему форму. Полутени ложились на его лицо, подчеркивая строгие, аристократичные черты, и в этом свете он казался не столько человеком, сколько воплощением чьего-то невозможного.

— Конечно, — согласился он.

На его губах заиграла полуулыбка — едва заметная, но опасная в своей недосказанности. Улыбка человека, который знает больше, чем говорит.

— Камила, надеюсь ты не против, но у меня к мистеру Морэлю остался один разговор.

Ее глаза, еще минуту назад сиявшие искрами, вдруг потухли, будто кто-то задул свечу внутри нее. Губы сжались в тонкую линию и она сдержанно махнула головой.

Ночной воздух был пронизан холодом. Ветер, резкий и беспокойный, шуршал опавшей листвой под ногами. Луна, почти полная, висела низко над крышами, отбрасывая длинные, изломанные тени. Николас шел рядом, его шаги были бесшумными, словно хищник, привыкший красться в темноте. У ворот ждал его автомобиль — черный и вызывающе дорогой.

— Я слушаю вас, мисс Вакслер, — он сложил руки за спиной.

Я остановилась, повернувшись к нему. Лунный свет падал на его лицо, подчеркивая шрам, а глаза делались еще темнее — теперь они казались гладью ночного моря.

— Кажется, это вы не всё договорили за столом, — я сложила руки на груди, гордо приподняв голову.

— Вот как? — посмеялся он глухо. — Тогда я уступлю вам право первой признаться в том, что вы тоже видите тени и ощущаете грехи на вкус.

— Откуда вы узнали? — спросила я без удивления. — Это наследственное?

Николас едва заметно качнул головой.

— Нет. Это не наследство. Вы родились у разлома, но шансы двух вестников в одной семье почти невозможны, — он сделал паузу, словно взвешивая, сколько правды можно позволить себе сейчас. — Я догадался ещё при нашей первой встрече. Точнее... — его губы тронула усмешка, — я знал это задолго до неё. Вы были отмечены ещё до того, как мы пересеклись.

От этих слов по коже пробежал холод, будто кто-то невидимый провёл пальцами вдоль позвоночника. Николас знал обо мне гораздо больше, чем говорил вслух, и эта недосказанность пугала сильнее любой откровенности. Он знал обо мне до нашей встречи. Он искал меня специально.

— К чему тогда была вся эта игра, мистер Морэль?

— Не игра, а необходимость. Не мог же я сразу вам всё рассказать. Я долго искал вас. Узнав от ваших коллег, что вы едете в Хельдар, я понял — судьба сама ведет вас в западню.

— Как вы поняли, что искать нужно именно меня?

Его волосы, темные, как воронье крыло, отливали синевой при каждом движении, словно в них были вплетены нити ночного неба. От него веяло прохладой, но не ледяной, а скорее, той свежестью, что бывает в глубине старых и туманных лесов. А его глаза менялись, как море при переменчивом ветре. Улыбка же была подобна лунному свету — красивая, но холодная, манящая, но недоступная. В ней не было простой человеческой теплоты. Стоя рядом с ним, я чувствовала странное сочетание трепета и покоя, будто он был одновременно и угрозой, и защитой. Как шторм, что может и разрушить, и очистить.

— Ваш отец оставлял записи о некоем особенном вестнике, чувствующего грехи, — его голос был ровным. — Тот, кто сможет остановить разрушения, кто сможет довести перевод книги до конца. В те времена ни он, ни я не знали, кто этот вестник.

Он сделал паузу, словно пытаясь нащупать правильные слова в собственных воспоминаниях.

— Уже после смерти вашего отца я наконец понял одну из его фраз «дитя рожденное разлом, дитя, унаследовавшее кровь, дитя, улавливающее грех», — Он остановился и развернулся ко мне, словно пытаясь уловить мои эмоции. — Я не буду перечислять все переведенные фразы, но это дало мне понять, что особый вестник — его дочь.

Эта мысль обрушилась на меня внезапно, как удар — глухой, сокрушительный, выбивающий почву из-под ног. Паника на мгновение вспыхнула в груди, но её подавил ледяной шок. Слёзы подступили к глазам. горячие, предательские. Но я не позволила им упасть. Не перед ним. Не перед этой истиной.

А если он ошибся?

Если ошиблась сама судьба?

Эти вопросы вонзились в сознание, словно раскалённое железо, прожигая изнутри. Что, если я — не та? Что, если во мне нет той силы? Мысли спутались в болезненный узел: в них была тайна, утрата, неизбежность и, вопреки всему, крохотная, почти постыдная надежда.

Я вдруг ясно поняла: предзнаменование моей собственной дороги, моей цены и того, что ждёт впереди. Судьба уже сделала шаг навстречу — и теперь вопрос был не в том, приму ли я её, а в том, хватит ли мне сил дойти до конца, не сломавшись.

— Но почему он умер? Почему бросил всё?

— Думаю, он просто не справился с грузом истины. Не каждый разум способен вместить бесконечность и не треснуть.

— Вот как, — я слотнула ком слез в горле. — Мне нужно время...

— Я сожалею, что пришлось так сразу взвалить на вас весь этот ужас, — Его взгляд мягко коснулся моих щек.

— Вы тоже чувствуете запахи? — я сменила тему, стараясь не думать об отцовском финале.

— Нет.

— Почему?

— Мы все воспринимаем мир по-разному. Вы чувствуете запахи грехов, я же... — Он повернул ладонь вверх, ловя лунный свет. — Я вижу нити, что связывают этот мир с другим. И иногда могу их перерезать, искоренения грех исповедью.

— А моей отец?

— Он видел только сущностей. Они лишь порождения греха. Мы же с вами видим сами грехи.

Моё сердце забило в неровном ритме. Я искала внутри себя слова, нужные вопросы и достойные ответы, но мысли рассыпались, как жемчужные бусы с порванной нити. Рядом с ним я теряла опору, как в нашу первую встречу. Луна, скользя по его чертам, рисовала на его лице тени. Николас казался одновременно и святым, и грешником, вырезанным из ночного мрака.

— Чем я пахну для вас, мисс Анора? — вопрос повис в воздухе, неожиданный и в то же время намеренный.

В его глазах вспыхнул острый интерес, будто он ставил какой-то незримый эксперимент.

— Ладан... тяжелый, дымный Ладан, — я невольно сделала к нему шаг, — Роза и холодный металл.

— Очень интересно, — он коснулся своего подбородка и перстни на пальцах засияли.

Затем он внезапно наклонился ко мне, так близко, что его дыхание коснулось моей шеи.

— А душок гнили? — прошептал он, и от его голоса по коже пробежали искры.

— Нет. Совсем нет.

— Любопытно, — он выпрямился.

Ветер внезапно рванул между нами, сорвав с деревьев последние листья. В этом порыве я уловила что-то еще — слабый, едва уловимый запах. Но нет, это не была гниль. Это было что-то другое. Но я промолчала.

— Где сейчас книга? — продолжила я важную тему.

Николас повернулся ко мне, и его глаза, эти бездонные синие глубины, отразили лунный серп, словно два крошечных серебряных клинка.

— В церкви, — ответил он так, будто это очевидно. — Думаете, что сможете приступить и продолжить труд отца?

— Я... я не знаю.

— Я знаю, — он улыбнулся, и в этой улыбке было больше веры в меня, чем я сама могла себе позволить. — Ваши руки созданы для перьев.

Взгляд скользнул к сухим деревьям, где листья шелестели, будто перешептываясь между собой. Что если я действительно смогу перевести ее? Остановить разрушение и цикл луны, который готовился к завершению.

— Жду вас завтра в церкви, — он склонился в изысканном поклоне, и в этом движении была вся его двойственность — аристократическая утонченность и что-то другое. Что-то, что не принадлежало этому миру. — Доброй ночи.

Его тень скользнула к автомобилю — длинному, черному, неестественно бесшумному. Дверь закрылась с мягким шелчком, и через мгновение машина растворилась в ночи, оставив после себя лишь легкий шлейф выхлопа.

Я осталась стоять в пустоте, чувствуя, как внутри меня разрастается тишина, оставляя после себя лишь странное, щемящее чувство.

Конец всего близок?

Глава 10

Застывшая рана

Мы с Камиллой заварили чай — черный, крепкий, с терпкими нотами бергамота. Ароматный пар поднимался тонкими, извивающимися спиралями, похожими на призрачных змей. Пламя свечи, отражаясь в полированной поверхности чайного столика, дрожало, будто в страхе перед чем-то невидимым. Камила сидела напротив, обхватив фарфор тонкими, бледными пальцами. Её ногти, покрытые красным лаком, нервно постукивали по чашке — ритм был рваным и тревожным.

— Ничего не укладывается в голове, — прошептала она, и её голос утонул в тихом завывании ветра за окном. — Эта правда... она невообразима. Она ранит.

— Мы привыкнем, — ответила я, глядя, как в моей чашке отражается багровый отблеск камина. — К любой правде со временем привыкаешь, и тогда она начинает казаться обыденной.

Старые оконные рамы жалобно дребезжали под напором стихии. Хельдар проснулся и требовал внимания.

— Так хочется попросить у него прощения, — голос сестры надломился. — За то, что считала его безумцем. За то, что стыдилась его болезни, когда должна была разделить его ношу.

— Не вини себя, Камила. — Я протянула руку через кружевную скатерть и коснулась её ладони. Кожа сестры была холодной, как мрамор надгробия. — Ты не могла знать.

— Ему нужна была опора, а я... как последняя трусиха, бегала от него, запиралась в комнате, едва слышала его шаги в коридоре, — её глаза, обычно ясные и спокойные, теперь были полны мучительного, едкого осознания. — Я бросила его одного в этой тьме.

— Ты была ребенком, — с горечью произнесла я, хотя сама чувствовала, как внутри ворочается похожий холод.

Чай остывал, теряя аромат. Его вкус казался мне теперь горьким — не от бергамота, а от предчувствий, что роились в моей голове. Камила добавила ложку меда; золотистые нити потянулись за серебром. Вдруг она резко подняла взгляд. В её зрачках вспыхнуло нечто странное — не просто любопытство, а острая, почти лихорадочная настороженность.

— О чем вы говорили с Николасом у ворот?

— Я просила его показать мне Книгу. Ту самую, которую не успел закончить отец.

— И всё? — она прищурилась, и её пальцы начали нервно перебирать складки скатерти, сминая ткань в уродливые морщины.

Я наблюдала за ней, пытаюсь разгадать эту странную алхимию чувств. В присутствии Николаса Камила преображалась: её движения становились суетливыми, смех неестественно высоким, а взгляд ревнивым и жадным. Это не была просто симпатия. Это была одержимость бабочки, летящей на холодное, губительное пламя.

— Камила, он тебе приглянулся? — спросила я прямо, надеясь разбить этот морок. — Симпатия с первого взгляда?

Её пальцы снова потянулись к чашке и случайно толкнули её, заставив фарфор звякнуть о блюдо. Этот резкий звук прорезал тишину, как трещина на тонком стекле.

— Что за глупости ты говоришь! — вспыхнула она, и на её щеках расцвел лихорадочный румянец — то ли гнев, то ли стыд. — Он... он безупречен, умен, красив. Но это не значит, что я готова броситься ему на шею.

Я молча отпила остывший чай, чувствуя его горечь.

— Просто... он напоминает мне кого-то, — её голос внезапно стал глухим. — Будто я уже видела его. Давным-давно. В детстве.

— Это логично, Камила. Он вырос в Хельдаре, знал нашего отца еще подростком. Возможно, ты видела его на улицах города.

Она резко качнула головой, и свет камина полыхнул в её волосах кровавым золотом.

— Нет, ты не понимаешь. Я бы не смогла узнать в мужчине того мальчика. У меня такое ощущение... будто я видела его таким же. В точности таким, как сейчас.

— Таким? — я подавила нервный спазм в горле. — Ты хочешь сказать, что за все эти года он не изменился ни на день?

В её глазах мелькнуло осознание абсурдности собственных слов, смешанное с первобытным страхом.

— Да... звучит нелепо, — она поспешно махнула рукой, отгоняя наваждение. — Наверное, он просто похож на своего отца. Или на какого-то забытого мною родственника.

Её лицо внезапно просветлело, будто на неё упало озарение с самих небес.

— Да, ты права...

— Просто все это меня пугает: разлом, луна, вестники и разрушение мира. Я не могу всего этого осознать по-настоящему. А вина перед отцом меня пожирает. Это навсегда застывшая рана.

— Не вини себя. Мы уже ничего не можем изменить. Главное, что мы добрались до правды. Горькой. Но правды.

Эти слова повисли между нами тяжёлым эхом. В них не было надежды на исправление прошлого, но была точка опоры, болезненная ясность, которая больше не позволяла блуждать во тьме догадок. Правда не приносила покоя, но она расставляла всё по своим местам.

Мы разошлись по комнатам, но тишина не принесла легкости. Слова сестры всплывали в моей памяти снова и снова, обретая зловещий смысл. Я лежала, уставившись в потолок, где лунный свет рисовал причудливые узоры сквозь кружево занавесок. *Сколько ему лет?* Вопрос, казавшийся таким простым, теперь обрёл странную тяжесть. Люди меняются — это закон природы. Это точно было глупое предположение сестры, что много лет назад это был именно Николас.

Повинуясь внезапному импульсу, я подошла к окну и отодвинула тяжелую ткань. За стеклом шевельнулась тень — едва заметная, но слишком живая, чтобы быть игрой ветра или света.

Я застыла.

В тусклом, мертвенном сиянии ночи из тумана проступил силуэт крупного зверя. Это был волк — угольно-черный и огромный. Он стоял посреди заросшего сада и смотрел прямо на моё окно. В его неподвижности чувствовалась не звериная дикость, а пугающая, почти человеческая сосредоточенность. Его взгляд был долгим, осознанным и тяжелым.

Холод коснулся моего позвоночника ледяным пальцем.

Резким движением я задернула шторы, словно плотная ткань могла отгородить меня от того, что скрывалось за окном. Сердце билось быстрее обычного. Не раздеваясь, я поспешно вернулась в кровать и натянула одеяло до самого подбородка, стараясь убедить себя, что это был всего лишь зверь, случайно забредший к дому.

Но ощущение чужого взгляда ещё долго не покидало меня.

Я закрыла глаза, позволяя серебряному свету омыwać лицо. Он был таким холодным, таким неестественным.

Глава 11

Руки, созданные держать перья

Утром небо над Хельдаром окончательно утратило остатки лазури. Тяжелые, свинцовые тучи стягивались к зениту, издавая утробный рокот, будто сама ткань мироздания готовилась разорваться. Ветер поднялся внезапно, яростным порывом ударив в лицо. Алые лепестки роз, росших у подножия каменной церковной ограды, задрожали и сорвались, закружившись в воздухе, словно капли пролитой крови.

Тяжёлые двери церкви поддались с натужным, стонущим скрипом. Пастор возник из тени неожиданно. Его сгорбленная фигура в чёрной рясе напоминала старую корявую ветвь, проросшую сквозь каменные плиты пола. Его сложенные перед грудью руки напоминали молитвенный жест.

— Доброе утро, пастор, — я склонила голову, чувствуя, как могильный холод обволакивает шею. — Я к мистеру Морэлю.

— Брат Николас ещё не пришел, — он поджал губы, и в его глазах мелькнуло не то беспокойство, не то предостережение.

— Подожду его здесь. Вы ведь не против?

Пастор шагнул ближе. От него потянуло тяжелым запахом воска и затхлости — так пахнут страницы книг, слишком долго пролежавших в сыром подвале.

— Мисс Вакслер... — прошептал он так тихо, что слова едва долетели до меня. — Будьте осторожны с Николасом.

Его рука дрогнула, когда он провел пальцем по деревянному кресту на груди.

— Что вы имеете в виду?

— Он совсем не тот, кем кажется, — пастор уже отступал назад, его силуэт медленно растворялся в полумраке. — В нем есть нечто нечеловечное...

Его шаги затихли где-то в глубине церкви, оставив меня наедине с тишиной, которая теперь казалась звенящей. Я опустилась на жесткую скамью, ощущая, как холод дерева проникает сквозь ткань платья. Витражи наверху заколебались под ударами ветра, бросая на пол кроваво-красные блики, похожие на свежие раны.

Я почувствовала приближение Николаса до того, как услышала его глухие шаги. Пространство вокруг вдруг стало вязким и плотным. Я не оборачивалась. Его энергия была иной. Она всегда шла впереди него — властная и тревожная, как предчувствие чего-то.

— Доброе утро, мисс Вакслер, — раздался его бархатный голос за моей спиной. — Рад вас видеть. Вы пришли раньше срока. Неужели жажда истины не давала вам спать?

Я обернулась. На его лице играла едва заметная ухмылка. Шрам у глаза в неровном свете витражей переливался алыми и синими бликами. В груди болезненно кольнуло — слова пастора всё еще эхом отдавались в сознании.

— Сон сегодня был редким гостем, — ответила я, стараясь сохранить голос ровным. — Но всё в порядке.

— Хорошо. Тогда не будем терять драгоценных минут. Пройдемте в архив. Там хранятся все священные и важные книги.

Церковный архив скрывался в задней части храма, за кованой дверью с латинской надписью, полустёртой временем. Замок щёлкнул, и дверь поддалась с тяжелым скрипом, нехотя впуская нас в темное пространство. Узкие, высокие окна с витражами пропускали лишь тусклый, рассеянный свет, который разливался на полу, словно размытые следы угасших звёзд. Вдоль стен громоздились деревянные полки, уставленные старыми фолиантами и манускриптами в кожаных и тканевых переплётах. Некоторые книги были покрыты пылью и воском, будто с момента их последнего прикосновения прошли столетия.

Николас двигался среди полок с уверенностью хозяина. Его пальцы, осторожные, как у того, кто знает цену каждой вещи, скользнули по переплётам, извлекая из глубины шкафа книгу. Она была не просто старой, она казалась живой. Её обложка была из потемневшей кожи с тисненым символом луны. По корешку вились выжженные знаки, не принадлежащие ни одному из известных мне языков. Железо на уголках потемнело, но всё ещё хранило следы былой позолоты.

Моя кожа покрылась колкой дрожью. Воздух вокруг книги вибрировал едва уловимыми нотами — ладан, холодный металл и пьянящая роза. Тот же шлейф, что всегда вился вокруг Николаса.

— Вы почувствовали её аромат? — шепнул он.

Я лишь кивнула, не в силах заговорить или повернуться к нему. Морэль подошёл ко мне, и за своей спиной я почувствовала тепло его тела. Он стоял так близко, что мои мысли путались и рассыпались, как сухие листья подхваченные ветром. Морэль положил книгу на стол и раскрыл её. Страницы затрепетали, словно реагируя на его прикосновение. Запахи смешались в единый, дурмящий поток. И я уже не могла различить, что принадлежал книге, а что — ему. Я поняла, что он словно тень, которая не исчезает даже под полуденным солнцем. Он был рядом, но оставался вне досягаемости, как мираж: стоило приблизиться, и ты уже не знаешь видел ли его вообще. Он завораживал, пугал и влек одновременно. Каждое его движение точное, неторопливое, будто заранее рассчитанное. Его слова — редкие, но весомые. А молчание между ними кричащее.

— И какой же у неё аромат? — его шепот коснулся моей шеи, вызывая невольную дрожь. — Мне кажется, что она пахнет вечностью и концом всего. А может, вместе с этим и спасением, — проговорил он почти с нежностью, скользя пальцами по строкам.

— Может быть, — проговорила я из сухого горла.

Я наконец повернула к нему голову. Его синий взгляд был прикован к древнему тексту, но в глазах блесело что-то иное. Он знал, что эта книга не просто источник знаний. Она была выбором. Судьбой. Ответом и испытанием. Я прикоснулась к ней — и холод прошёл по моей ладони, будто книга откликнулась на моё касание. В груди что-то сжалось, а дыхание перехватило, будто меня втягивало внутрь, в бездну чернил и вековых тайн.

— Как её переводил мой отец?

Николас встал чуть поодаль, скрестив руки за спиной, но взгляд также был прикован к книге.

— Он чувствовал её. Научился понимать её молчание, — он пожал плечами. — Это не древний язык — это шепот, который может услышать лишь избранный. Не буквальный и не звучащий в голове, а будто ритм, что идет сквозь кости и сквозь сны.

— Как это? — я не могла представить какого это.

— Тоже самое, что и связь с луной. Эти связи почти одинаковы. Главное не пытаться понять их разумом. Главное — чувствовать. Это шифр.

— А вы пытались её перевести? — я смотрела на тусклые страницы изъеденные временем, но они дышали вечностью.

Морэль чуть качнул головой. Его взгляд на мгновение стал отстраненным.

— Увы, мисс, но только один человек способен на это. В своё время это был ваш отец, а теперь думаю, что вы.

Я резко подняла на него глаза.

— А как же другие вестники? Её кто-то переводил до моего отца?

— У каждого вестника своя миссия. Книга была найдена до вашего отца. Она переводилась всего двумя вестниками. Первый тоже не справился с тяжестью, которая легла на его плечи, его охватило безумие, а тьма поглотила. Затем ваша книга передалась отцу, а теперь и

вам, — Николас снова сделал шаг ко мне, оказавшись за моей спиной так близко, что я почти ощущала тепло его крови, которая растекалась по телу.

— Все два вестника переводившую книгу обезумели, — я вздохнула. — Теперь это и моя участь сойти ума?

— Нет, ваша миссия перед этим столом: понять ткань, из которой соткана угроза. А потеряться в безумии я вам не позволю.

— Мистре Морэль, я даже не знаю, — мой вздох смешался с шелестом страниц.

— Мисс Анора, вы — великая писательница, — в его словах звучала странная убежденность. — Вы уже имеете особую связь с книгами. Ваш дар действительно кроется в них, и я уверен, что вы прольете свет, когда закончите дело отца.

— Я постараюсь, но не обещаю, что из этого что-то выйдет.

— Не торопитесь и главное — не окунайтесь с головой. Она может забирать много сил, не уделяйте ей слишком много времени, либо сотрете грани реальности.

— Как стерлись у моего отца? — моё сердце учащенно забилося.

Он махнул головой. Его синие глаза, будто выточенные из сапфирового рассвета, остановились на мне с такой твердостью, что воздух между нами словно сгустился. Это был не просто взгляд — это было прикосновение. Будто холодные молнии его радужек прожигали мои слои, добираясь до самой сути моего существа, до тех тёмных и светлых уголков души. Я замерла. Веки дрогнули, но отвести взгляд оказалось невозможным — мое сознание на миг превратилось в хрупкое стеклышко, зажатое между его пальцами. Я чувствовала, как что-то внутри откликается на этот взгляд.

Секунда.

Две.

Дольше, чем позволительно.

Дольше, чем безопасно.

Где-то в церкви упала капля воды с потолка, звонко ударив по камню.

— Я принесу вам записи и переводы, которые делал отец. Надеюсь, вам это поможет, — заявил он.

Через несколько минут Морэль вернулся, неся в руках груды потрепанных записных книг и листов, измазанных в чернилах. Они выглядели так, будто их неоднократно роняли, сминали в кулаках, а может, даже швыряли в стену в приступе отчаяния. Я осторожно потянулась к верхней тетради. Размашистый почерк отца прыгал по страницам, то сжимаясь в четкие строки, то расплываясь в почти неразборчивые каракули, будто рука не поспевала за мыслью. Чернильные кляксы, похожие на следы слёз или капли дождя, местами размывали слова, превращая их в загадочные символы.

— Мистер Морэль, позвольте личный вопрос, — уверенно я сказала.

— Желаете познакомиться со мной поближе? — он усмехнулся, но лицо оставалось непроницаемым и каменным. — Я слушаю вас.

— Ваша семья... они тоже живут здесь? — мои слова повисли в воздухе, резкие и неожиданные, как удар колокола в тишине исповедальни.

— Нет, — отрезал он. — Моя семья никогда не жила в этом месте.

— Но как вы тогда оказались здесь? — слова вырвались прежде, чем я осознала бестактность, но Морэль успел меня перебить.

— Считайте меня сиротой, которую подбросили под двери этой церкви сразу после моего рождения, — произнес он, отчеканивая каждое слово, будто вбивая гвозди в крышку гроба этой темы. — Я воспитывался в этих стенах священниками. Полагаю, рожден я был у Разлома — иначе откуда бы взялся этот дар?

Он слегка наклонил голову, и свет от витража упал на его лицо, рассекая его пополам. Одна сторона оставалась в тени, другая, была освещена алым. Он выглядел чужим, почти

нечеловеческим. Я отвела взгляд, чувствуя укол стыда за свое любопытство. Я докопалась до правды, слишком глубокой и слишком болезненной для Николаса. Вытащила её наружу, почти насильно, словно щипцами извлекая из него то, к чему он не желал возвращаться ни мыслью, ни памятью. В этом было что-то жестокое: не намерение ранить, но сам факт того, что я нарушила его молчаливую защиту, вскрыла старую рану, которая, возможно, никогда и не зажила.

Но под этим стыдом росло нечто иное — упрямое недоверие. Кого помнила моя сестра? Кто был так похож на него много лет назад?

— Простите, — тихо сказала я, подбирая слова с осторожностью, словно шла по тонкому льду. — Я не имела права так бесцеремонно вторгаться в ваше прошлое.

Николас едва заметно кивнул. Ни упрёка, ни оправдания, лишь немое согласие оставить эту дверь закрытой. Его молчание было красноречивее любых слов: он не желал возвращаться туда, где прошлое до сих пор отзывалось болью. Тема была исчерпана не потому, что потеряла значение, а потому, что прикосновение к ней стоило слишком дорого.

— Начните с его ранних записей. Там меньше безумия.

Морэль сделал шаг назад, растворяясь в полумраке, оставляя меня наедине с документами отца и жгучим осознанием — я стояла на краю пропасти, заглядывая в бездну.

Глава 1

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.